

ЧЕЛОВЕК ИЗ ЛЕСА

ЗАХВАТЫВАЮЩАЯ ИСТОРИЯ О БЛАГОРОДНОМ ОТШЕЛЬНИКЕ
И ЗАЩИТЕ СПРАВЕДЛИВОСТИ НА ДИКОМ ЗАПАДЕ

ЗЕЙН ГРЕЙ

Зейн Грей

Человек из леса

<https://litres.ru/74686877>

SelfPub; 2026

Аннотация

Роман американского классика Зейна Грея «Человек из леса» — это захватывающая, исполненная глубокого драматизма история о суровых законах Аризонского фронта, столкновении первозданной чистоты природы с алчностью и цинизмом наступающей цивилизации. В центре сюжета находится судьба Мисла Кента, отшельника и охотника, нашедшего уединение среди величественных лесов и каньонов. Его тихая жизнь меняется, когда он узнает о коварном заговоре дельцов, стремящихся незаконно завладеть землями его племянницы и мирных поселенцев. Защищая справедливость, герой открывает для себя силу бескорыстной любви, братства и подлинного человеческого достоинства. Это вечная притча о духовном исцелении человека на лоне дикой природы, где истинная мощь измеряется не материальным богатством, а чистотой совести.

Содержание

Глава I	14
Глава II	25
Глава III	44
Глава IV	55
Глава V	74
Глава VI	102
Глава VII	120
Конец ознакомительного фрагмента.	131

Зейн Грей

Человек из леса

Предисловие переводчика

Роман Зейна Грея «Человек из леса» (1920) — это одно из самых ярких и атмосферных произведений классической американской литературы о Диком Западе. Заслуженно считающийся мастером приключенческой прозы, Зейн Грей обладал удивительным даром переносить читателя в дикие, нетронутые цивилизацией уголки американской природы — туда, где величественные каньоны, горные хребты и бескрайние леса становятся полноправными действующими лицами историй.

В центре сюжета находится необычный герой — отшельник по прозвищу Человек из леса, живущий в гармонии с дикой природой вдали от суеты и пороков человеческого общества. Его уединенная жизнь меняется, когда он узнает об опасности, нависшей над беззащитными людьми, и решает вмешаться, чтобы защитить справедливость. Через образ главного героя автор исследует вечные темы морального очищения, внутренней силы, благородства и исцеляющего влияния дикой природы на человеческую душу.

Работая над русским переводом этого романа, я стремился бережно сохранить неповторимый авторский стиль Зейна Грея, его богатый и живописный язык, а также суровую и романтическую атмосферу американского Фронттира начала XX века. Особое внимание было уделено передаче естественности диалогов и точности описаний живописных ландшафтов Аризоны, которые вдохновляли автора.

Пусть эта книга станет для вас увлекательным путешествием в мир мужества, чести и глубокого единения с природой, где каждый читатель сможет заново открыть для себя непреходящие ценности человечности.

Владимир Давыдов

Главные и второстепенные персонажи

ГЛАВНЫЕ И ВТОРОСТЕПЕННЫЕ ПЕРСОНАЖИ

Милт Дейл

Хелен Рейнер

Эл Окенкloss

В центре романа — охотник Милт Дейл и две сестры Рейнер, которым угрожают люди, стремящиеся завладеть имуществом их дяди. Ниже перечислены основные участники этой истории.

Милт Дейл — охотник, живущий в горной глуши Аризоны. Его называют человеком из леса. Хорошо зная повадки зверей и лесные тропы, он предпочитает уединение, но вмешивается, узнав о готовящемся преступлении. Его отношения с Хелен заставляют его по-новому осмыслить собственную жизнь.

Хелен Рейнер, которую близкие зовут Нелл, — старшая из сестёр, племянница владельца ранчо Эла Окенклосса. Она приезжает с Востока и сталкивается с опасностью и ответственностью за близких. Её решительность сочетается с постепенно растущим доверием к Дейлу.

Бо Рейнер — младшая сестра Хелен. Живая, смелая и своевольная, она любит приключения, но оказывается перед реальной жестокостью. Её отношения с ковбоем Томом Кармайклом составляют важную линию романа.

Второстепенные персонажи

Эл Окенклосс — дядя сестёр Рейнер, пожилой владелец ранчо. Болезнь делает его хозяйство уязвимым, а вызов племянниц на Запад связывает их судьбу с борьбой за его имущество.

Бизли — влиятельный владелец ранчо, противник Окенк-

лосса и Хелен. Ради захвата чужого имущества он готов использовать угрозы, обман и помощь преступников.

Снейк Энсон — предводитель шайки, связанной с кражей овец. Его тайный сговор с Бизли становится известен Дейлу и заставляет охотника действовать.

Том Кармайлл, прозванный Лас-Вегасом, — ковбой, союзник Дейла и защитник сестёр. Рой Бимен — один из братьев Бименов, помогающих героям; его роль в развязке выходит далеко за пределы обычных ковбойских обязанностей. Ручная пума Дейла Том — отдельный, запоминающийся участник лесного мира; её не следует путать с Томом Кармайллом.

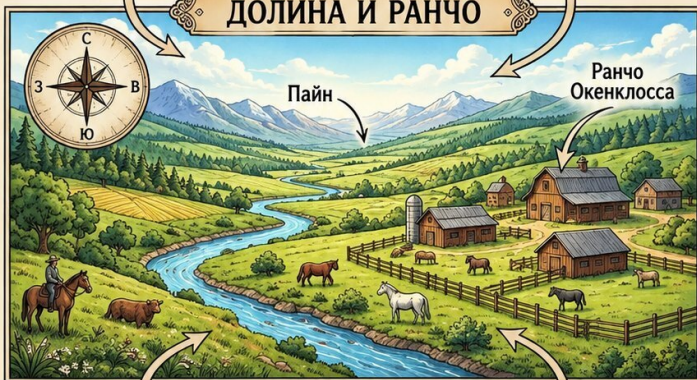
География романа: Аризонский Фронтир

ГЕОГРАФИЯ РОМАНА ЗЕЙНА ГРЕЯ: ЧЕЛОВЕК ИЗ ЛЕСА

ГОРНЫЙ ЛЕС

ДОЛИНА И РАНЧО

СКАЛЫ И КАНЬОНЫ

Действие происходит в Аризоне, в горных лесах, долинах и небольших поселениях. Важнейшие пространства романа — Белые горы, скрытое убежище Дейла, посёлок Пайн и ранчо Окенклосса. Схемы в этом издании передают литературную географию и не предназначены для восстановления точного маршрута.

1. Горные леса и уединенное убежище Дейла

Описание: Дикие, нетронутые цивилизацией горные массивы и густые леса, где уединился главный герой. Это мир чистой природы, высоких сосен, чистых ручьев и крутых троп.

Значение: Пространство внутренней свободы, гармонии и исцеления. Здесь человек живет по законам природы, обретая мудрость и душевный покой вдали от алчности и суеты человеческого общества.

2. Долина и ранчо

Описание: Плодородная долина у подножия гор, ставшая объектом притязаний и земельных споров. Здесь расположены фермы, пастбища и ранчо, где кипят человеческие страсти, плетутся интриги и разворачивается борьба за выживание.

Значение: Зона столкновения интересов. Она символизирует цивилизацию с ее соблазнами, конфликтами, жадной наживы, но также и потенциал для созидательного труда и мирной жизни.

3. Дикие каньоны и ущелья

Описание: Скалистые лабиринты, глубокие каньоны и труднодоступные тропы Аризоны.

Значение: Место повышенной опасности, погонь и испытаний. Суровая природа каньонов проверяет героев на прочность, мужество и верность долгу.

Атмосфера романа

Атмосфера романа строится на контрасте лесного покоя и человеческой угрозы. Созерцательные картины природы сменяются погонями, тревожными разговорами и борьбой за безопасность сестёр Рейнер.

1. Первозданная дикость и величественная тишина природы

Атмосфера книги насквозь пропитана запахом сосновой хвои, горной прохладой и дыханием нетронутых лесов Аризоны. Зейн Грей мастерски передает ощущение умиротворения и грандиозности диких ландшафтов. Лесные чащи, глубокие каньоны и горные кручи здесь не просто декорации, а живое, дышащее пространство, которое обладает целительной силой для израненной человеческой души.

2. Дух свободы и простора американского Фронтiera

Произведение погружает читателя в романтику рубежа веков на Диком Западе. Это атмосфера простора, где человек остается один на один с величественной стихией, вдали от духоты и суеты цивилизованных городов. Жизнь по законам совести, чести и единения с природой противопоставляется здесь жадности, интригам и жестокости дельцов.

3. Напряжение и приключения

Несмотря на созерцательность лесных пейзажей, атмосфера романа полна скрытого драматизма и саспенса. Угроза со стороны безжалостных антагонистов, погони по каньо-

нам, борьба за справедливость и защита слабых держат читателя в постоянном тонусе, создавая идеальный баланс между лирической природой и суровым вестерном.

Глава I

На закате лес был тих и безлюден. В нём остро и сладко пахло пихтой и елью, он полыхал золотом, багрянцем и зеленью; а человек, бесшумно скользивший под огромными деревьями, словно сливался с этими красками и, исчезая из виду, сам становился частью лесной глуши.

Старая Лысая, самая высокая вершина Белых гор, поднималась округлая и голая, окаймлённая ярким золотом последних солнечных лучей. Потом огонь заката скрылся за её куполом, и по чёрным склонам, ошестинившимся остриями деревьев, на весь этот горный мир сошла перемена — холодная, сумрачная тень.

Это был дикий край густых лесов и обильных вод, тёмных чащ и травянистых полян, лежавший на высоте десяти тысяч футов над уровнем моря и со всех сторон отрезанный от мира пустыней южной Аризоны. Нетронутый приют вапиту и оленей, медведей и пум, волков и лисиц; родина и убежище грозных апачей.

В сентябре на этой широте вскоре после захода солнца внезапно налетал прохладный ночной ветерок. Казалось, на его крыльях прилетали сумерки, а с ними — слабые звуки, прежде неразличимые в тишине.

Милт Дейл, человек леса, остановился на краю поросшего деревьями гребня, вслушиваясь и всматриваясь. Внизу ле-

жала узкая открытая долина, покрытая травой; оттуда доно-
силось тихое журчание воды. Его музыку прорезал дикий от-
рывистый лай вышедшего на охоту койота. Над головой, в
исполинской пихте, попискивали и шуршали устраивавшие-
ся на ночлег лесные тетерева; с другого края долины долета-
ли последние негромкие крики диких индеек, взбиравшихся
на насест.

Чуткий слух Дейла не находил в этих звуках ничего
необычного: всё говорило о неизменном покое леса. Он был
рад — он-то ожидал услышать стук копыт лошадей белых
людей, а здесь, в горной глуши, этот звук был ему ненави-
стен. С индейцами он жил в дружбе. Даже этот свирепый
враг не питал вражды к одинокому охотнику. Но где-то в
лесу скрывалась шайка негодяев, воровавших овец, и встре-
чаться с ними Дейл не хотел.

Когда он двинулся вниз по склону, над Старой Лысой
вдруг вспыхнуло последнее зарево, залив долину светом и
теньями — жёлтыми и синими, словно само сияние неба.
Омуты на изгибах ручья заблестели тёмным блеском. Дейл
окинул взглядом долину в обе стороны, затем попытался раз-
глядеть что-нибудь в чёрных тенях за ручьём, где поднима-
лась стена елей, выставив на фоне бледных облаков зубчатый
гребень острых вершин. В деревьях застонал ветер, в возду-
хе запахло дождём. Выйдя на тропу, Дейл повернулся спи-
ной к угасавшему зареву и широко зашагал вниз по долине.

Надвигалась ночь, собирался дождь, и вместо своего лаге-

ря, до которого оставалось несколько миль, он направился к старой бревенчатой хижине. Когда он добрался до неё, почти стемнело. Подходил он осторожно. В этой хижине, как и в немногих других, разбросанных по долинам, могли укрыться индейцы, медведь или пума. Однако, по-видимому, внутри никого не было. Дейл посмотрел на облака, стремительно бежавшие по небу, и почувствовал на лице прохладную влагу мелкого, туманного дождя. Ночью дождь будет то приниматься, то стихать. Решив так, он вошёл в хижину.

И в следующее мгновение услышал частый стук копыт: приближались лошади, шедшие рысью. Выглянув наружу, он различил в темноте смутные движущиеся силуэты — совсем рядом. Всадники подъехали с подветренной стороны, поэтому звук не доносился до него. Пять лошадей с седоками — Дейл успел разглядеть их, когда они выросли перед самой хижинкой. Потом услышал грубые голоса. Он быстро обернулся и в темноте нащупал лестницу, которая, как он знал, вела на чердак; поспешно взобрался по ней, стараясь не стукнуть винтовкой, и лёг на настил из жердей и ветвей. Едва он успел устроиться, как внизу, за дверью, раздались тяжёлые шаги и звон шпор: кто-то вошёл в хижину.

— Ну что, Бизли, ты здесь? — громко спросил мужчина.

Ответа не было. Вошедший что-то проворчал себе под нос; шпоры снова звякнули.

— Ребята, Бизли ещё нет! — крикнул он. — Поставьте лошадей под навес. Подождём.

— Подождём, как же! — грубо отозвались снаружи. — Может, всю ночь. А жрать-то нечего.

— Заткнись, Моуз. От тебя, видать, и толку никакого, только жрать. Уберите лошадей, да пусть кто-нибудь натаскает сюда дров.

Послышались негромкие ругательства, смешавшиеся с глухим топотом копыт, скрипом кожи и тяжёлыми вздохами усталых лошадей.

В хижину вошёл ещё один человек, шаркая ногами и позвякивая шпорами.

— Снейк, надо было выюк с собой прихватить, — протянул он.

— Надо было, Джим. Да не прихватили. Чего теперь глотку драть? Бизли долго нас не продержит.

Дейл лежал ничком, не шевелясь, и чувствовал, как по жилам медленно прокатывается горячая волна волнения. Человек с низким голосом был Снейк Энсон, самый отъявленный и опасный негодяй во всей округе; остальные, несомненно, принадлежали к его шайке, давно уже пользовавшейся дурной славой в этом малонаселённом краю. А упомянутый ими Бизли был одним из двух крупнейших владельцев ранчо и овцеводов в Белых горах. Что означала тайная встреча Снейка Энсона с Бизли? Ответ, который нашёл Милт Дейл, не делал Бизли чести; зато многое из странных происшествий с овцами и пастухами, остававшихся загадкой для маленького посёлка Пайн, теперь стало ясно как день.

В хижину вошли остальные.

— Сильно-то не разойдётся, — заметил один из них о дожде.

Дрова с грохотом упали на землю.

— Джим, вот тебе кусок соснового бревна, сухой как трут, — сказал другой.

Послышались шорохи, неторопливые шаги, затем тяжёлые удары: по всей вероятности, Джим колотил торцом бревна о землю, стараясь отбить край, чтобы набрать горсть сухих щепок.

— Снейк, дай-ка трубку. Я мигом огонь разведу.

— А мне табак самому нужен. На твой огонь мне плевать, — ответил Снейк.

— Ну и скряга же ты. Другого такого во всём лесу не сыщешь, — протянул Джим.

Несколько раз резко щёлкнуло огниво о камень, потом послышалось, как Джим натужно дует и отплёвывается, разжигая огонь. Вскоре непроглядная тьма в хижине стала рассеиваться; затрещали щепки, зашелестело пламя, а затем раздался ровный, всё нарастающий гул.

Так случилось, что в настиле чердака, прямо перед глазами лежавшего ничком Дейла, между ветвями оставались щели. Когда огонь разгорелся, он смог довольно хорошо рассмотреть людей внизу. Из всех он прежде видел только Джима Уилсона: того знали в Пайне задолго до того, как кто-нибудь услышал о Снейке Энсоне. Среди этих негодяев Джим

был ещё лучшим, и у него имелись друзья среди честных людей. Поговаривали, что со Снейком они не слишком ладят.

— Хорошо у огонька, — сказал здоровяк Моуз, широченный, с угрюмым смуглым лицом. — Осень уж на носу... Вот бы ещё пожрать!

— Моуз, у меня в седельной сумке кусок оленины. Принесёшь — половина твоя, — подал голос ещё один.

Моуз проворно вышел, шаркая ногами.

В свете огня худое лицо Снейка Энсона казалось змеиным, глаза поблёскивали; длинная шея и вся его долговязая фигура ещё больше оправдывали прозвище Снейк — Змей.

— Снейк, что это у тебя за дело с Бизли? — спросил Джим.

— Сам узнаю — и ты узнаешь, — ответил главарь.

Вид у него был усталый и озабоченный.

— Разве мало мы прикончили этих несчастных мексиканшек-пастухов — и всё задаром? — спросил самый молодой из шайки, по годам ещё мальчишка; жёсткая, горькая складка губ и голодный взгляд как-то выделяли его среди остальных.

— Верно говоришь, Берт. Я того же мнения, — отозвался тот, кто послал Моуза за мясом.

— Снейк, скоро в этих лесах снег закружит, — сказал Джим Уилсон. — Зимовать пойдём в котловину Тонто или к Хиле?

— Прежде чем на юг податься, ещё немало поскачем, —

угрюмо ответил Снейк.

В эту минуту вернулся Моуз.

— Главный, слышал я: по тропе лошадь идёт.

Снейк поднялся и встал у двери, прислушиваясь. Снаружи порывами стонал ветер, редкие капли дождя постукивали по хижине.

— Ага! — с облегчением воскликнул он.

На минуту все замолчали; затем Дейл услышал быстрый перестук копыт по каменистой тропе. Внизу беспокойно переминались с ноги на ногу, но никто не произнёс ни слова. Огонь весело потрескивал. Снейк Энсон отступил от двери — в его движении чувствовались и сомнение, и осторожность.

Где-то снаружи лошадь остановилась.

— Эй, кто в хижине! — окликнул голос из темноты.

— Сам-то кто? — ответил Энсон.

— Снейк, это ты? — тотчас спросили снаружи.

— Вроде я, — отозвался Энсон, показываясь в дверях.

Приезжий вошёл. Это был крупный мужчина в непромокаемом плаще, мокро блестящем при огне. Низко надвинутое сомбреро затеняло лицо, скрывая верхнюю его половину почти так же надёжно, как маска. Чёрные усы свисали вниз, подбородок был твёрд, как камень. В каждом движении чувствовалась сдерживаемая сила — зрелая, могучая.

— Здорово, Снейк! Здорово, Уилсон! — сказал он. — От прежнего дела я отказался. Послал за вами по... по другому

дельцу... сугубо личному.

Выразительным жестом он дал понять, что люди Снейка должны выйти.

— Ага... — с сомнением протянул Энсон и резко обернулся. — Моуз, Шейди, Берт — подождите снаружи. Видать, тут не то дело, на какое я рассчитывал... Заодно лошадей оседлайте.

Трое разбойников вышли друг за другом, бросая пристальные взгляды на незнакомца, который отступил в тень.

— Ну, теперь говори, Бизли, — понизил голос Энсон. — Что ты затеял? При Джиме можно. Он со мной во всех делах.

Бизли подошёл к огню и протянул к пламени руки.

— С овцами это не связано, — ответил он.

— Ну, так я и думал, — согласился Энсон. — И вот ещё что: чего бы ты там ни затевал, мне не по нраву, что ты нас столько гонял и заставлял ждать. Мы у Биг-Спринг почти весь день проторчали. Потом этот мексикашка прискакал и отправил нас сюда. Мы от лагеря чёрт-те где, ни еды, ни одеял.

— Надолго не задержу, — сказал Бизли. — А впрочем, ты бы и не пожалел времени, когда узнал бы, что речь об Эле Окенклоссе — о человеке, который сделал тебя разбойником!

Энсон дёрнулся так резко, будто всё его тело подбросило. Уилсон тоже жадно подался вперёд. Бизли взглянул на дверь и заговорил шёпотом:

— Старый Окенклосс на последнем издыхании. Скоро подохнет. Он выписал из Миссури племянницу, молоденькую девчонку, и собирается оставить ей свои ранчо, овец — весь скот. Видать, больше у него никого нет... Эти ранчо... все эти овцы и лошади! Ты знаешь, мы с Элом много лет вместе разводили овец. Он заявил, будто я его обжулил, и вышвырнул меня. А я все эти годы твержу, что это он меня надул — что за ним мои овцы и деньги. У меня в Пайне и во всех посёлках вдоль дороги друзей не меньше, чем у Окенклосса... Так вот, Снейк, слушай...

Он умолк, чтобы глубоко перевести дух; большие руки дрожали над огнём. Энсон наклонился вперёд, словно змея перед броском; Джим Уилсон тоже весь напрягся, угадывая, к чему идёт дело.

— Слушай, — задыхаясь, продолжил Бизли. — Девчонка должна приехать в Магдалену шестнадцатого. Через неделю, считая с завтрашнего дня. Оттуда она поедет дилижансом в Сноудроп, а там люди Окенклосса встретят её с повозкой.

— Ага, — буркнул Энсон, когда Бизли снова замолчал. — Ну и что с того?

— До Сноудропа она добраться не должна!

— Хочешь, чтобы я остановил дилижанс и забрал девчонку?

— Именно.

— Ну... а потом?

— Увезёшь её... Она исчезнет. Это уж твоё дело... А я

предъявлю Окенклоссу свои требования, затравлю его и, как только он подохнет, буду готов прибрать его добро к рукам. После этого девчонка хоть возвращайся, мне всё равно... С Уилсоном сами договоритесь, как всё обставить. Если придётся посвятить остальных, ни слова им о том, кто за этим стоит и в чём дело. Заработаешь ты на этом изрядно. С условием: получишь своё — и уберёшься в другие края.

— Это, пожалуй, разумно, — пробормотал Снейк Энсон. — Только одно в твоём плане хромает, Бизли: жизнь — штука неверная. Старик Эл крепок. Ещё обведёт тебя вокруг пальца.

— Окенклосс умирает, — заявил Бизли с такой уверенностью, что сомневаться было невозможно.

— Ну, когда я его в последний раз видел, здоровяком его и вправду не назвал бы... Бизли, допустим, я возьмусь. Как мне узнать девчонку?

— Её зовут Хелен Рейнер, — поспешно ответил Бизли. — Ей двадцать. Окенклоссы все были хороши собой, а она, говорят, красивее всех.

— Ага!.. Бизли, дело-то куда серьёзнее прежнего. И не по душе оно мне... Но твоему слову я всегда верил... Ну, выкладывай. Что я с этого получу?

— Никого больше не посвящай. Вы вдвоём можете остановить дилижанс. Его ведь ещё ни разу не грабили... Только лица закройте... Как насчёт десяти тысяч овец? Или столько золота, сколько за них дадут в Финиксе?

Джим Уилсон тихонько присвистнул.

— И убраться в другие края? — вполголоса повторил Снейк Энсон.

— Верно.

— Ну, с девчонкой мне связываться не по душе, но на меня можешь рассчитывать... Шестнадцатого сентября, в Магдалене. Зовут Хелен, и хороша собой?

— Да. Мои пастухи примерно через две недели начнут гнать отары на юг. Потом, если погода продержится, передай мне с кем-нибудь из них весточку, и я встречу с тобой.

Бизли ещё раз протянул руки к пламени, натянул перчатки, надвинул сомбреро и, коротко попрощавшись, широким шагом вышел в ночь.

— Джим, что скажешь? — спросил Снейк Энсон.

— Приятель, да он нас обоих за пояс заткнул, — ответил Уилсон.

— Ага!.. Ладно, вернёмся в лагерь.

И Энсон первым вышел из хижины.

Снаружи донеслись приглушённые голоса, затем фыркающие лошадей, стук копыт и наконец ровный топот рыси, постепенно затихавший вдали. Снова только стон ветра да мягкое постукивание дождя нарушали лесную тишину.

Глава II

Ему было тридцать лет. Четырнадцатилетним мальчишкой он сбежал из школы и из родного дома в Айове, пристал к обозу переселенцев и одним из первых увидел, как на склонах Белых гор строят бревенчатые хижины. Но ни земледелие, ни овцеводство, ни однообразные домашние работы не пришлись ему по душе, и вот уже двенадцать лет он жил в лесу, лишь изредка наведываясь в Пайн, Шоудаун и Сноудроп. Такая бродячая лесная жизнь вовсе не означала, что жители посёлков были ему безразличны: он любил их, и повсюду ему были рады. Просто дикую природу, одиночество и красоту он любил с первобытной, безотчётной силой дикаря.

И в эту ночь он случайно раскрыл чёрный заговор против единственного из всех честных белых людей в округе, кого не мог назвать своим другом.

— Ну и Бизли! — проговорил он сам с собой. — Бизли заодно со Снейком Энсоном!.. Только тут он прав: Эл Окенклосс одной ногой в могиле. Бедный старик! Расскажу ему — уж мне-то он ни за что не поверит!

Узнав о заговоре, Дейл понял, что должен спешить вниз, в Пайн.

— Девушка... Хелен Рейнер... двадцать лет, — размышлял он. — Бизли хочет, чтобы её увезли... А это похуже

смерти!

Дейл принимал жизнь с тем спокойствием и покорностью неизбежному, которые обретают, годами постигая жестокие законы леса. Дурные люди творили зло, как свирепые волки, поочерёдно загонявшие оленя. За эту повадку он стрелял волков. С людьми, хорошими или дурными, ему сталкиваться не приходилось. К старухам и детям он чувствовал расположение, но девушки никогда его не занимали. Поэтому образ Хелен Рейнер возник в его мыслях как нечто непривычное; и вдруг Дейл понял: он собирался как-нибудь помешать Бизли не ради старого Эла Окенклосса, а ради девушки. Наверное, она уже едет на Запад — одна, полная нетерпения, с надеждой обрести новый дом. Как мало люди знают о том, что ждёт их в конце пути! Немало следов внезапно обрывалось в лесу, и лишь опытный лесной житель мог прочесть по ним историю трагедии.

— Странно, что я сегодня пошёл напрямик от Елового болота, — задумался Дейл.

Обычно ни обстоятельства, ни собственные поступки не казались ему странными. Случай редко менял его привычки и заведённый порядок. А потому то, что он без всякой видимой причины свернул с пути и, сделав крюк, подслушал заговор, в котором столь необычно оказалась замешана юная девушка, и впрямь давало пищу для размышлений. И не только для них: Дейл почувствовал, как в жилах разгорается незнакомый жар. Он, почти не причастный к людской вражде и во-

все не знавший гнева, ощутил, как закипает кровь при мысли о подлой западне, приготовленной невинной девушке.

— Старый Эл и слушать меня не станет, — размышлял он. — А выслушает — не поверит. Может, никто не поверит... Всё равно Снейку Энсону эта девушка не достанется.

Последние слова окончательно определили для Дейла его собственное решение, и размышления прекратились. Взяв винтовку, он спустился с чердака и выглянул за дверь. Ночь стала темнее и холоднее, ветер усилился; по небу мчались клочья облаков, лишь кое-где виднелись звёзды; с северо-запада несло мелкий дождь, и лес был словно наполнен низким глухим гулом.

— Пожалуй, лучше здесь переждать, — сказал он и повернулся к огню.

Угли ещё рдели. Из глубины охотничьей куртки он достал мешочек соли и несколько полосок сушёного мяса. На минуту положил их на раскалённые угли; когда они зашипели и начали сворачиваться, снял заострённой палочкой и поел, как ест голодный охотник, благодарный и за малое.

Он сидел на обрубке дерева, протянув ладони к угасающему теплу и глядя на золотистые угли, которые переливались и меняли очертания. Снаружи ветер всё крепчал, и стон леса переходил в рёв. Приятное тепло обволакивало Дейла, клонило ко сну. Он слушал бурю в деревьях: то она грохотала водопадом, то гудела, словно отступающее войско, то вновь стихала до печального стоны; а в сияющих углях ему

виделись картины, причудливые, как сновидения.

Наконец он встал, взобрался на чердак, вытянулся во весь рост и вскоре уснул.

Когда занялся серый рассвет, Дейл уже шёл напрямик к посёлку Пайн.

За ночь ветер переменился, дождь прекратился. На траве открытых полян поблёскивал едва заметный иней. Всё было серым — луга, прогалины; проходы между деревьями обозначались более густой, тёмной серостью. Под деревьями таились тени, и в этой тишине призрачные очертания казались естественными. Потом запылал восток, серый сумрак посветлел, и дремлющий лес пробудился под далеко протянувшимися лучами вспыхнувшего красного солнца.

Это всегда была самая счастливая минута одиноких дней Дейла, как закат — самая печальная. Он всем существом откликался на неё; что-то в его крови отвечало свистящему крику оленя с ближнего гребня. Он шагал широко и бесшумно, оставляя тёмный след там, где ноги смахивали росу с травы.

По гребням Дейл двигался зигзагами, обходя самые крутые подъёмы; зато «сенаги» — так мексиканские пастухи называли похожие на парки горные луга — были округлы и ровны, словно их создал человек, и красиво оттеняли тёмно-зелёные, суровые, изломанные гребни. И открытые сенаги, и густо поросшие лесом высоты говорили его зоркому глазу об изобилии дичи. Треск веток и мелькнувшее среди

елей серое пятно, округлая чёрная туша, двигавшаяся вперевалку, писк в кустах, крадущиеся шаги — все эти приметы Дейл читал без труда. Однажды, бесшумно выйдя на небольшую поляну, он заметил рыжую лисицу, подкрадывавшуюся к какой-то добыче; подойдя ближе, увидел стайку куропа-ток. Они шумно взлетели, задевая ветви, а лисица убежала рысцой. На каждой сенаге Дейлу попадались дикие индейки, кормившиеся семенами высоких трав.

Отправляясь в Пайн, он всегда добывал и приносил свежего мяса нескольким старым друзьям, охотно дававшим ему приют. Как ни спешил он теперь, изменять своему обыкновению не собирался.

Наконец он спустился в пояс сосновых лесов. Огромные узловатые жёлтые сосны величаво возносились ввысь, стоя поодаль одна от другой; под ногами лежал ровный, словно пол, бурый, душистый, пружинистый ковёр хвои. Со всех сторон за ним наблюдали белки и разбегались при его приближении: крошечные бурые, со светлыми полосками, покрупнее — рыжевато-коричневые и великолепные тёмно-серые, с белыми пушистыми хвостами и кисточками на ушах.

Сосновый пояс внезапно оборвался, открыв просторную серую холмистую равнину, похожую на прерию. Вблизи и вдали поднимались предгорья, а осиновые заросли вспыхивали красным золотом в утренних лучах. Здесь Дейл вспугнул стаю диких индеек — больше сорока птиц. По сдержанной серой окраске с белыми крапинками, по изящным глад-

ким телам было видно, что это самки. Ни одного индюка в стае не оказалось. Птицы беспорядочно побежали в траву; вскоре над нею покачивались только головы, а потом исчезли и они. Дейл заметил крадущихся койотов: те, очевидно, выслеживали индеек. Увидев его, они метнулись к деревьям, и он навскидку выстрелил в последнего. Пуля ударила низко, как он и хотел, но всё же слишком низко, лишь взметнув койоту в морду землю и сосновые иглы. Тот так перепугался, что вслепую шарахнулся в сторону, налетел на дерево, перекувырнулся, вскочил и скрылся в лесу. Дейла это позабавило. Он враждовал со всеми лесными хищниками, хотя уже понимал, что и пума, и медведь, и волк, и лисица так же необходимы в великом устройстве природы, как кроткие, прекрасные существа, которыми они питаются. Но одних он любил больше других и потому скорбел об этой непостижимой жестокости.

Перейдя широкую травянистую равнину, он вновь начал понемногу спускаться. В неглубоком овраге теснились осины и сосны, а вдоль сверкающего ручья тянулись тёплые, залитые солнцем прогалины. Тут он услышал клокотанье индюка и сразу свернул, пригнувшись и бесшумно обходя осиновую рощицу. На солнечном клочке травы стояло с дюжину крупных индюков, а то и больше; все подозрительно смотрели в его сторону, вытянув шеи, с тем диким, настороженным видом, который свойствен этим птицам. Старые дикие индюки были самой трудной добычей для охотника, скра-

дывающего дичь. Дейл подстрелил двух. Остальные побежали, словно страусы, с топотом ударяя по земле и расправляя крылья; разбежавшись, они подняли тяжёлые тела в шумный полёт. Летели низко, примерно на высоте человеческого роста, и вскоре исчезли среди деревьев.

Закинув обеих птиц за плечо, Дейл пошёл дальше. Вскоре он вышел к уступу лесного плато; внизу на целое лье тянулся склон, поросший соснами и можжевельником, а за ним лежала голая, блестящая пустыня, бесконечно уходящая волнами к смутной тёмной черте горизонта.

Маленький Пайн расположился на последней ровной площадке, среди редколесья. Дорога, шедшая вдоль быстрой речки с тёмной водой, разделяла скопление бревенчатых хижин, над которыми лениво поднимались столбы голубого дыма. Посёлок окружали кукурузные и овсяные поля, желтевшие на солнце; зелёные пастбища, усеянные лошадьми и коровами, тянулись к более густому лесу. Место, по-видимому, было естественной поляной: следов вырубки не замечалось. Пейзаж был слишком дик, чтобы назвать его пасторальным, но в нём царили тишина и покой; казалось, здесь, вдали от мира, живёт благополучная, счастливая община и мирно течёт её уединённая жизнь.

Дейл остановился перед опрятной бревенчатой хижинкой с небольшим огородом, обсаженным подсолнухами. На его оклик в дверях появилась старуха — седая, согбенная, но на удивление проворная.

— Батюшки, да никак Милт Дейл! — радостно воскликнула она.

— Похоже, я, миссис Касс, — ответил он. — Вот, индюка вам принёс.

— Милт, добрый ты мой мальчик, никогда старую вдову Касс не забываешь... Ну и индюк! Первый, какого я этой осенью вижу. Мой Том бывало таких же приносил... Может, и он когда-нибудь домой вернётся.

Её муж, Том Касс, много лет назад ушёл в лес и не вернулся. Но старуха всё ждала его и не теряла надежды.

— Бывало, люди терялись в лесу, а потом возвращались, — ответил Дейл, как уже много раз говорил ей прежде.

— Заходи, заходи. Голодный ведь, знаю. Ну-ка, сынок, когда ты в последний раз свежее яичко ел или оладьи?

— Вам бы и помнить, — со смехом ответил он, входя вслед за нею в маленькую чистую кухню.

— Господи помилуй! Так это ж сколько месяцев прошло! — Она покачала седой головой. — Милт, бросил бы ты эту дикую жизнь, женился, домом обзавёлся.

— Вы мне всегда это говорите.

— И говорю, и ещё доживу до того, что ты меня слушаешь... Сиди вот тут. Скоро я тебе такого подам, что слюнки потекут.

— Какие новости, тётушка? — спросил он.

— Да какие в нашей глуши новости! Уж две недели никто до Сноудропа не добирался!.. Сэри Джонс померла, бед-

няжка. На том свете ей лучше... А у меня корова сбежала. Милт, как она в лес вырвется — совсем дикая становится. Придётся тебе по следу её разыскать, больше никто не сумеет. У Джона Даккера пумой тёлку задрало, а у Лема Хардена конокрады скакуна увели — ну, любимца его, ты знаешь. Лем прямо сам не свой. Кстати, Милт, а где твой здоровенный ходок, которого ты ни за что ни продать, ни одолжить не соглашался?

— Мои лошади в лесу, тётушка. Полагаю, там конокрадам до них не добраться.

— Ну и слава богу. Уж этим летом у нас скота наворовали, Милт, и не говори.

Готовя ему еду, старуха продолжала рассказывать обо всём, что произошло в посёлке с его последнего прихода. Дейлу нравились и её пересуды, и своеобразные суждения о жизни; а сидеть за её столом было необыкновенно приятно. По его мнению, нигде на свете не могло быть такого масла, таких сливок, такой ветчины и яиц. К тому же, когда бы он ни явился, у неё, казалось, всегда находился яблочный пирог — одно из немногих удовольствий, которых Дейлу недоставало в лесном уединении.

— Как там старый Эл Окенклосс? — спросил он наконец.

— Плох, плох, — вздохнула миссис Касс. — А всё пешком ходит и верхом ездит, будто ничего. Недолго ему на белом свете... Да, Милт, вот ещё: есть новость, какой ты сроду не слыхивал!

— Да что вы! — воскликнул Дейл, подбадривая разволновавшуюся старуху.

— Эл вызвал из Сент-Джо свою племянницу, Хелен Рейнер. Ей всё его добро достанется. Мы про неё немало слышали — говорят, красавица... Ну вот, Милт Дейл, твой случай. Брось лес, возмись за работу... И женись на этой девушке!

— Не для меня такой случай, тётушка, — улыбнулся Дейл.

Старуха фыркнула.

— Много ты понимаешь! Да любая за тебя пойдёт, Милт Дейл, стоит тебе только платком поманить.

— За меня?.. С чего бы, тётушка? — спросил он, наполовину забавляясь, наполовину задумавшись.

Возвращаясь к людям, он всегда должен был приноравливать свои мысли к их понятиям.

— С чего? Ну право, Милт, одичаешь ты в своём лесу: то десятилетний мальчишка, то старше самих гор... Да здесь ни один молодой человек тебе в подмётки не годится. А у этой девушки — уж будь уверен — будет весь норв Окенклоссов.

— Тогда, может, не такая уж она завидная невеста, — ответил Дейл.

— Что ж, тебе их любить не за что, это верно. Но, Милт, женщины у Окенклоссов всегда хорошие жёны.

— Милая тётушка, размечтались вы, — серьёзно сказал Дейл. — Не нужна мне жена. Мне в лесу хорошо.

— Так и будешь всю жизнь, как индеец, жить, Милт Дейл?

— резко спросила она.

— Надеюсь.

— Постыдился бы. Но какая-нибудь девушка тебя ещё переменит, мальчик. Может, эта самая Хелен Рейнер. Надеюсь на это и бога молю.

— Тётушка, допустим, меня она и переменит. А старого Эла ей не переменить. Он ведь меня ненавидит, вы знаете.

— Ну, я бы так не сказала, Милт. На днях встретила Эла. Он о тебе спрашивал. Говорил, что ты одичалый, но такие люди, по его мнению, нужны в переселенческих посёлках. Господу известно, сколько ты для нас доброго сделал! Милт, старый Эл твоей лесной жизни не одобряет, но зла на тебя не держал, пока твоя ручная пума не передушила столько его овец.

— Тётушка, не верю я, что Том хоть раз тронул овец Эла, — твёрдо сказал Дейл.

— А Эл верит, и многие другие, — ответила миссис Касс, с сомнением покачивая седой головой. — Ты ведь не клялся, что это не он. А те два пастуха клялись, будто сами его видели.

— Они видели пуму, только и всего. И перепугались так, что дали тягу.

— А кто бы не перепугался? Этакая зверюга кого хочешь напугает. Ради всего святого, не приводи его сюда больше! Никогда не забуду, как ты его привёл. В тот день в Пайне и люди, и дети, и лошади — все кинулись врассыпную.

— Да, только Том тут ни при чём. Тётушка, он самый смирный из моих питомцев. Разве он не пытался положить вам голову на колени и лизнуть руку?

— Ну, Милт, не спорю: твоя ручная пума вела себя лучше многих моих знакомых. Это так. Только с меня хватило и его вида, и того, что про него рассказывают.

— А что же рассказывают, тётушка?

— Говорят, стоит ему с глаз твоих скрыться — он дикий зверь. И кого ты прикажешь, того он по следу отыщет и убьёт.

— Я его для того и учил.

— Ну вот, когда к нам приходишь, оставляй Тома у себя дома, в лесу.

Дейл закончил обильную трапезу, ещё немного послушал старуху, затем взял винтовку и второго индюка и стал прощаться. Она вышла проводить его.

— Милт, ты уж скоро опять приходи, ладно? Хоть на племянницу Эла взглянуть — она через неделю будет.

— Как-нибудь загляну... Тётушка, вы моих приятелей, мормонских ребят, не видели?

— Не видела и не желаю, — отрезала она. — Милт Дейл, если кто тебя и захомутает, так это мормоны.

— Не беспокойтесь, тётушка. Хорошие ребята. В лесу со мной часто встречаются: то лошадь выследить просят, то свежего мяса добыть.

— Они теперь у Бизли работают.

— Вот как? — Дейл невольно вздрогнул. — Что же делают?

— Бизли так разбогател, что изгородь ставит. Слыхала, людей ему не хватало.

— Бизли богатеет! — задумчиво повторил Дейл. — Овец, лошадей, скота всё больше, надо думать?

— Господи помилуй! Да он, Милт, и сам не знает, сколько у него добра. Теперь он у нас самый большой человек, с тех пор как бедный старый Эл сдавать начал. Думаю, от успехов Бизли у Эла здоровья не прибавляется. В последнее время они, слышно, крепко ссорились. Не тот уж Эл, что прежде.

Дейл снова попрощался со старой приятельницей и зашагал прочь, задумчивый и серьёзный. Помешать Бизли будет трудно, а выступать против него — ещё и опасно. Почти не оставалось сомнений, что он пойдёт напролом и подомнёт под себя весь Пайн. По дороге Дейлу стали попадаться знакомые: его радушно приветствовали, расспрашивали о житье-бытье, и на время размышления прервались. Он отнёс индюка другой старой знакомой, а от неё направился к поселковой лавке. Это была просторная бревенчатая хижина, кое-как крытая дранкой; перед нею тянулся широкий дощатый настил, а у дороги стояла коновязь. К ней было привязано несколько лошадей; рядом бездельничала кучка мужчин в одних рубашках, без курток.

— Будь я проклят, да это Милт Дейл! — воскликнул один.

— Здорово, Милт, старый охотник! Чертовски рад тебя

видеть! — приветствовал другой.

— Привет, Дейл! Вот уж кого приятно повидать, — протянул третий.

Встречаясь с этими знакомыми после долгого отсутствия, Дейл всегда испытывал особое сердечное тепло. Но стоило ему вернуться в родную близость леса, как оно быстро угасало. Причина была в том, что жители Пайна, за немногими исключениями, хотя и любили его и очень высоко ценили его лесную мудрость, считали его человеком незначительным. За то, что он любил дикую природу и предпочитал её жизни в посёлке и на ранчо, его причисляли к людям чужого склада. Одни полагали, что он ленив, другие — что беспутен, третьи считали его индейцем по уму и привычкам; многие называли тугодумом. Но было в их отношении и другое, что всегда добродушно забавляло Дейла. Двое из собравшихся попросили принести им индюшатины или оленины; третий захотел пойти с ним на охоту. Лем Харден вышел из лавки и стал уговаривать его разыскать украденного коня. Брат Лема просил выследить и пригнать домой одичавшую кобылу. Джесси Лайонзу нужно было объездить жеребёнка — терпеливо, без жестокости, к которой прибегали лихие наездники Пайна. Все наперебой осаждали Дейла своими просьбами, не подозревая, насколько лестным было для него такое признание. В эту минуту мимо проходили две женщины; их реплики перед входом в лавку ещё лучше показывали, чего стоил Дейл.

— Да ведь это Милт Дейл! — воскликнула старшая. — Вот повезло! У меня корова хворает, а мужики в лечении ничего не смыслят. Позову-ка Милта.

— Милта никто не заменит! — горячо откликнулась другая.

— Добрый день, Милт Дейл! — окликнула первая. — Как от этих лентяев освободишься, зайди ко мне.

Дейл никогда никому не отказывал в помощи, и потому редкие его посещения Пайна обыкновенно затягивались дольше, чем ему хотелось.

Вскоре по улице широким шагом подошёл Бизли. Уже собираясь войти в лавку, он заметил Дейла.

— Здорово, Милт! — сердечно окликнул он, подходя с протянутой рукой.

Радовался он искренне, но молниеносный взгляд, которым окинул Дейла, был вызван не радостью. При дневном свете Бизли предстал крупным, смелым, грубоватым мужчиной с резкими смуглыми чертами лица. В его напористой повадке чувствовался человек, который умеет быть хорошим другом и опасным врагом.

Дейл пожал протянутую руку.

— Как поживаешь, Бизли?

— Не жалею, Милт, хоть работы столько, что не успеваю. Не возьмёшься над моими пастухами старшим стать?

— Пожалуй, не возьмусь, — ответил Дейл. — Но всё равно спасибо.

— Что там в лесах делается?

— Индейки и оленей много. Медведей тоже хватает. Индейцы этой осенью рано на южную сторону перебрались. Но зима, думаю, поздняя будет и мягкая.

— Добро! А ты откуда идёшь?

— От своего лагеря, напрямик, — довольно уклончиво ответил Дейл.

— От лагеря! Никто его до сих пор не нашёл, — хмыкнул Бизли.

— Он там, наверху, — сказал Дейл.

— Небось эту свою пуму у входа в хижину на цепи держишь? — спросил Бизли.

По его мускулистому телу пробежала почти незаметная дрожь. Зрачки в жёстких карих глазах расширились.

— Том не на цепи. И хижины у меня нет, Бизли.

— Хочешь сказать, эта здоровенная тварь живёт у тебя в лагере ни связанная, ни за оградой? — потребовал ответа Бизли.

— Конечно.

— Не понимаю! Впрочем, я с пумами не в ладах. Не раз бывало: идёшь ночью, а пума за тобой. Не скажу, что боялся. Только я эту породу не жалую... Милт, ты у нас удержишься?

— Да, немного побуду.

— Заходи на ранчо. В любое время рад. У меня кое-кто из твоих старых товарищей по охоте работает.

— Спасибо, Бизли. Пожалуй, зайду.

Бизли отвернулся и сделал шаг, но тут, словно вспомнив что-то, снова обернулся.

— Слышал, верно, старый Эл Окенклосс уж совсем выдохся? — спросил он.

На лице его словно проступила тяжёлая, упорная работа мысли. Дейл догадался: сейчас Бизли каким-нибудь словом или намёком попытается ещё продвинуть своё дело.

— Вдова Касс мне все новости рассказала. Жаль старого Эла, — ответил Дейл.

— Ещё бы. Конченный человек. И мне жаль, хоть Эл никогда честностью не отличался...

— Бизли, — быстро перебил Дейл, — при мне так не говори. Эл Окенклосс всегда был самым порядочным и честным человеком во всём нашем овцеводческом краю.

Бизли бросил на него быстрый мрачный взгляд.

— Дейл, твоё мнение здесь никого не переубедит, — неторопливо ответил он. — Ты в лесу живёшь и...

— В лесу живу, а думать могу и знать немало, — так же неторопливо перебил Дейл.

Мужчины удивлённо переглянулись. Таким Милта Дейла они ещё не видели. Бизли тоже не скрыл недоумённого удивления.

— Что же ты, к примеру, знаешь? — спросил он напрямик.

— Да хотя бы то, что в Пайне делается, — ответил Дейл.

Кто-то из мужчин засмеялся.

— А уж делается немало, это точно, — вставил Лем Харден.

Вероятно, проницательный Бизли прежде никогда не считал Милта Дейла человеком, с которым следует считаться, и уж наверняка не думал, что тот способен встать у него на пути. Но сейчас, возможно, что-то подсказало ему инстинктивное чутьё или он угадал в Дейле враждебность, столь же неожиданную, сколь и озадачивающую.

— Дейл, у нас с Элом Окенклоссом разногласия. Давно уже, — сказал Бизли. — Многое из его добра — моё. И ко мне вернётся. Теперь, надо полагать, люди станут выбирать: кто за меня, кто за Эла. Большинство за меня... А ты на чьей стороне? Элу Окенклоссу ты никогда не был нужен, да к тому же он при смерти. Ты за него пойдёшь?

— Да, пожалуй, за него.

— Что ж, рад, что ты высказался, — отрывисто ответил Бизли и ушёл тяжёлой поступью человека, готового смести со своей дороги любое препятствие.

— Милт, зря ты Бизли против себя настроил, — сказал Лем Харден. — Он скоро тут всем заправлять будет.

— Уж место Эла он займёт, это точно, — заметил другой.

— Молодец Милт, что за бедного старого Эла заступился, — заявил брат Лема.

Дейл отделался от них и задумчиво пошёл по дороге. Знание о замысле Бизли уже не так тяготило его, а решение

держат язык за зубами представлялось самым разумным. Прежде чем отправляться к старому Элу Окенкlossу, нужно было всё обдумать; для этого он на час укрылся в уединении под соснами.

Глава III

После полудня Дейл, исполнив кое-какие поручения старых друзей из Пайна, неторопливо направился к ранчо Окенклосса.

Низкий квадратный дом из камня и брёвен, необычайно просторный, стоял на небольшом холме в полумиле от посёлка. Жилище и крепость одновременно, он был первым строением в этих местах, и не раз во время постройки приходилось отбиваться от индейцев. Впрочем, с некоторых пор апачи совершали свои свирепые набеги лишь к югу от Белых гор. Из дома Окенклосса были видны амбары, навесы, загоны всевозможных размеров и очертаний и сотни акров хорошо обработанной земли. Овсяные поля под послеполуденным солнцем переливались серыми и жёлтыми волнами; огромное зелёное пастбище разделял ручей, обсаженный ивами. Здесь паслись табуны, а дальше, на открытых холмистых равнинах, рассеялись стада коров.

Всё на ранчо свидетельствовало о долгих годах упорного человеческого труда. Ручей орошал зелёную долину между усадьбой и посёлком. Но воду для дома брали с высокого лесистого склона горы, и подавалась она весьма простым способом. Сосновые брёвна одинаковой толщины, с выдолбленным в каждом глубоким желобом, уложили торец к торцу; блестящей линией водовод спускался по склону, пересекал

долину и поднимался на холм к дому Окенклосса. Возле дома выдолбленные половины брёвен скрепили попарно, получив подобие трубы. Таким образом вода здесь текла в гору — одна из достопримечательностей, прославивших ранчо и неизменно вызывавших удивление и восторг у маленьких жителей Пайна. Две добрые женщины, ведавшие большим хозяйством Окенклосса, нередко приходили в ужас от странных предметов, приплывавших к ним на кухню с непрерывной струёй прозрачной холодной горной воды.

В этот день Дейл застал Эла Окенклосса в тени крыльца за разговором с пастухами и скотниками. Окенклосс был невысок, чрезвычайно могучего сложения, с огромными плечами. Седины у него не было, старым он не выглядел; и всё же в лице замечалась усталость — какие-то неясные бледные складки страдания, опускавшиеся вниз и выдававшие возраст и уход жизненных сил. Крупные черты были правильны и красивы, открытые голубые глаза — чуть печальны, но ещё полны огня.

Дейл не знал, как встретят его визит, и несколько не удивился бы, если бы его прогнали. Он много лет не ступал сюда. Поэтому его удивило, что Окенклосс отослал пастухов взмахом руки и встретил его без всякого особенного выражения на лице.

— Здравствуй, Эл! Как поживаешь? — непринуждённо спросил Дейл, прислоняя винтовку к бревенчатой стене.

Окенклосс не встал, но подал руку.

— Вот что, Милт Дейл: пожалуй, впервые я тебя вижу и не могу на лопатки уложить, — ответил хозяин.

В голосе его слышались и раздражение, и щемящая грусть.

— Значит, нездоровится тебе, — сказал Дейл. — Очень жаль, Эл.

— Нет, не в том дело. Сроду не болел. Просто выдохся, как конь: был сильный, работал охотно, да надорвался... А ты, Милт, ни на день не постарел. В лесу живёшь — годы над головой пролетают.

— Да, чувствую себя прекрасно. О времени и не думаю.

— Что ж, может, не такой ты и дурак. Я последнее время сам об этом задумываюсь, с тех пор как время подумать появилось... Только, Милт, богаче-то ты не становишься.

— Эл, у меня есть всё, что я хочу и что мне нужно.

— Зато ты никого не кормишь. Никакой от тебя миру пользы.

— Тут мы с тобой не сходимся, Эл, — ответил Дейл, медленно улыбаясь.

— Да уж, никогда не сходились... Так ты, значит, просто старика проведать зашёл?

— Не совсем, — задумчиво ответил Дейл. — Сперва хочу сказать: я возьму тебе тех овец, которых, как ты всё твердил, загрызла моя ручная пума.

— Возместишь? Это как же?

— Их ведь немного было?

— Голов пятьдесят.

— Так много! Эл, неужели до сих пор думаешь, что старина Том их загрыз?

— Хм! Милт, я это чертовски хорошо знаю.

— Эл, откуда ж тебе знать то, чего я сам не знаю? Рассуди здраво. Не будем опять из-за этого ссориться. Овец я тебе возмещу. Отработаю...

— Милт Дейл, ты спустишься сюда и отработаешь мне пятьдесят овец?! — недоверчиво воскликнул старый скотовод.

— Конечно.

— Ну, будь я проклят!

Он откинулся назад и проницательно посмотрел на Дейла.

— Что на тебя нашло, Милт? Слыхал, что племянница моя приезжает, и решил за ней приударить?

— Да, Эл, её приезд имеет прямое отношение к моему предложению, — серьёзно ответил Дейл. — Но ухаживать за ней, как ты намекаешь, я и не думал.

— Ха-ха! Такой же жеребчик, как все здешние. Впрочем, это добрый знак. Только женщина и сможет тебя из лесу выманить. Но, парень, эта моя племянница, Хелен Рейнер, ещё поставит тебя вверх тормашками. Я её не видел. Говорят, вся в мать. А Нелл Окенклосс — вот это была девушка!

Дейл почувствовал, что краснеет. До чего же непривычный для него разговор!

— Честное слово, Эл... — начал он.

— Не ври старику, сынок.

— Врать? Я никому не вру. Это, Эл, врут люди, что живут в городах и вечно обдeldывают дела. А я живу в лесу, мне там врать незачем.

— Ну, обидеть-то я тебя не хотел, — отозвался Окенклосс. — И, может, в твоих словах что-то есть... Мы о тех овцах говорили, которых твоя большая кошка загрызла. Так вот, Милт, доказать я этого не могу, это верно. А скажу, с чего я так решил, — может, ты меня и за выжившего из ума примешь. Дело не в словах тех мексикашек-пастухов, будто они пуму в отаре видели.

— А в чём же? — с живым интересом спросил Дейл.

— Год назад я твоего зверя увидел. Он перед лавкой лежал, а ты внутри что-то покупал, припасы, должно быть. Словно с врагом лицом к лицу столкнулся. Потому что, чёрт меня побери, стоило ему мне в глаза взглянуть — я сразу понял: виноват! Вот так!

Старик ожидал, что над ним посмеются. Но Дейл остался серьёзен.

— Эл, я понимаю, что ты почувствовал, — ответил он так, словно речь шла о человеческом поступке. — Не хотелось бы мне в старине Томе сомневаться. Но он всё-таки пума. А звериные повадки — дело странное... Как бы там ни было, Эл, за овец я тебе возмещу.

— Нет, не возместишь, — быстро возразил Окенклосс. — Забудем об этом. Ты предложил — поступил честно. С ме-

ня хватит. Так что можешь о работе больше не тревожиться, если тревожился.

— Я ещё кое-что хотел тебе сказать, Эл, — нерешительно начал Дейл. — О Бизли.

Окенклосс резко вздрогнул, лицо его вспыхнуло. Он поднял большую дрожащую руку. Дейл мгновенно понял, до чего расшатаны нервы старика.

— Не смей... этого... этого мексикашку при мне поминать! — взорвался хозяин. — У меня от него... кровь в глаза ударяет... Дейл, я не забыл, что ты сегодня за меня слово сказал, на мою сторону встал. Лем Харден рассказал. Мне это приятно. Потому-то я сегодня и забыл нашу старую ссору... Но ни слова об этом овечьем воре, иначе со двора прогоню!

— Да послушай же, Эл, — попытался урезонить его Дейл. — Мне необходимо сказать о... о Бизли.

— Не необходимо. Не мне. Слушать не стану.

— Придётся, Эл, — ответил Дейл. — Бизли на твоё добро зарится. Он сговорился...

— Господи! Да знаю я! — закричал Окенклосс, с трудом поднимаясь на ноги; лицо его стало багровым. — Думаешь, новость мне говоришь? Замолчи, Дейл! Не могу я этого выносить.

— Но, Эл, дело ещё хуже, — торопливо продолжал Дейл. — Хуже! Твоя жизнь в опасности, а племянницу твою, Хелен, собираются...

— Замолчи и убирайся! — взревел Окенклосс, размахивая огромными кулаками.

Весь дрожа, он попятился к двери, казалось, готовый рухнуть. Несколько секунд ярости превратили его в жалкого старика.

— Но, Эл, я тебе друг... — умоляюще начал Дейл.

— Друг, говоришь? — отозвался хозяин с мрачным, горьким ожесточением. — Тогда ты единственный... Милт Дейл, я богат и я умираю. Никому не верю... Но ты, лесной охотник, если мне друг, докажи!.. Пойди убей этого мексикашку, овечьего вора! Сделай что-нибудь, а потом приходи разговаривать!

С этими словами он, пошатываясь и едва не падая, ушёл в дом и захлопнул дверь.

Дейл на мгновение застыл в растерянности, потом взял винтовку и зашагал прочь.

К закату он разыскал лагерь четырёх своих друзей-мормонов и поспел как раз к ужину.

Джон, Рой, Джо и Хэл Бимены были сыновьями мормона-переселенца, основавшего маленький Сноудроп. По годам они были молоды, но тяжёлый труд и суровая жизнь под открытым небом сделали их с виду зрелыми мужчинами. Джон был всего на год старше Роя, Рой — на год старше Джо, а Джо — Хэла. Внешне различить их было трудно. Наездники, пастухи, скотоводы, охотники — все четверо были рослыми, жилистыми, сильными; у всех худые, загорелые,

невозмутимые лица и спокойные, зоркие глаза людей, привыкших к простору.

Они стояли лагерем возле родника в укромной ложбине, окружённой осинами, милях в трёх от Пайна. Хотя работали у Бизли неподалёку от посёлка, каждый день ездили оттуда в лагерь и обратно, следуя свойственной их единоверцам привычке держаться особняком.

У Дейла с братьями было много общего, и между ними возникла тёплая дружба. Но все их доверительные разговоры до сих пор касались только леса. Дейл поужинал с ними и беседовал, как при обычной встрече, ничем не выдавая замысла, который складывался у него в голове. После ужина он помог Джо согнать лошадей, спутать их на ночь и отвести на травянистую поляну среди сосен. Позже, когда вместе с холодным ветром по лесу поползли тени, а костёр уютно разгорелся, Дейл заговорил о том, что его занимало.

— Значит, на Бизли работаете? — спросил он, начиная разговор.

— Работали, — протянул Джон. — Сегодня месяц наш вышел, мы расчёт получили и ушли. Бизли прямо взбесился.

— Что ж ушли?

Джон не ответил; лица братьев тоже оставались спокойными, с тем сдержанным выражением, за которым скрывается невысказанное знание.

— Послушайте, зачем я пришёл, тогда и сами заговорите, — продолжил Дейл.

И торопливо рассказал о замысле Бизли: похитить племянницу Эла Окенклосса и завладеть имуществом умирающего старика.

Когда Дейл умолк, слегка запыхавшись, братья сидели, ничем не выражая ни удивления, ни волнения. Старший, Джон, взял палку и медленно поворошил красные угли; над ними взлетели белые искры.

— Милт, а зачем ты нам это рассказал? — осторожно спросил он.

— Вы единственные мои друзья, — ответил Дейл. — В посёлке говорить об этом небезопасно. Я сразу о вас подумал. Я не допущу, чтобы Снейк Энсон забрал девушку. Мне нужна помощь, вот я и пришёл.

— У Бизли в Пайне сила, а старый Эл слабеет. Добро достанется Бизли — с девушкой или без неё, — сказал Джон.

— Не всегда выходит так, как кажется. Да сейчас не в том дело. Меня история с девушкой взбесила... Шестнадцатого она приедет в Магдалену и сядет в дилижанс до Сноудропа... Что же нам делать? Если она в дилижансе поедет, будьте уверены, я там тоже буду. Но ей вообще нельзя в него садиться... Ребята, так или иначе я её спасу. Поможете? Ради вас я, бывало, не раз в переделки попадал. Конечно, теперь другое дело. Но вы мне друзья или нет? Что такое Бизли, вы теперь знаете. От шайки Снейка Энсона все вы пострадали. У вас быстрые лошади, след вы видите, с винтовкой обращаться умеете. Именно таких людей я хотел бы иметь рядом в труд-

ную минуту, когда дело с дурной шайкой. Поддержите меня или дадите одному пойти?

Тогда Джон Бимен с побледневшим лицом молча и крепко пожал ему руку. Один за другим поднялись и остальные братья и сделали то же самое. В глазах у них вспыхнул жёсткий блеск, у тонких губ легла странная горечь.

— Милт, может, мы получше твоего знаем, что такое Бизли, — наконец сказал Джон. — Он моего отца разорил. И других мормонов обманывал. Мы, братья, сами удостоверились: овцы, которых крадёт шайка Энсона, достаются ему... А потом он гонит отары в Финикс! Наши не дают нам обвинить Бизли. Вот и терпели молча. Отец всегда говорил: пусть кто-нибудь другой первый против Бизли слово скажет. И тут ты к нам пришёл!

Рой Бимен положил Дейлу руку на плечо. Пожалуй, он был самым проникательным из братьев и сильнее всех тянулся к приключениям и опасностям. Он чаще других ходил с Дейлом долгими тропами и во всём этом краю был самым неутомимым наездником и самым упорным следопытом.

— Мы пойдём с тобой, — сказал он сильным, звучным голосом.

Они снова уселись у костра. Джон подбросил дров, и раздуваемое ветром пламя, потрескивая и рассыпая искры, взвилось вверх. Сумерки сгущались, переходя в ночь; стон сосен усилился до рёва. Стая койотов начала пронзать воздух отрывистыми криками.

Пятеро молодых людей долго и серьёзно совещались: обдумывали, строили планы, отвергали предложения друг друга. Большую часть решений, принятых всеми, предложили Дейл и Рой Бимен. Охотники их склада походили на исследователей: так же неспешно и обстоятельно вникали в подробности. Предстоящее дело допускало бесчисленное множество неожиданностей. Нужно было выбрать лошадей и снаряжение; сделать большой крюк, чтобы незаметно добраться до Магдалены; спасти незнакомую девушку, которая, без сомнения, окажется своенравной и непременно захочет ехать дилижансом, — спасти, если потребуется, силой; предусмотреть схватку и неизбежную погоню, бегство в лес и благополучное возвращение девушки к Окенклоссу.

— А потом, Милт, возьмёмся за Бизли? — многозначительно спросил Рой Бимен.

Дейл молчал, погружённый в раздумья.

— Довольно для каждого дня своей заботы, — сказал Джон. — А теперь, ребята, спать.

Они расстелили брезенты; Дейл устроился под одеялами Роя. Вскоре все уснули. Красные угли медленно гасли, могучий рёв ветра стихал, и лес вновь погружался в тишину.

Глава IV

Хелен Рейнер ехала в поезде, направлявшемся через страну на запад, уже целые сутки, когда сделала тревожное открытие.

Вместе с сестрой Бо, не по летам развитой шестнадцатилетней девушкой, она покинула Сент-Джозеф с сердцем, опечаленным прощанием с близкими, но полным волнующих, ярких предчувствий неведомой жизни на Дальнем Западе. Все в её роду были наделены духом первопроходцев; любовь к переменам, действию и приключениям была у неё в крови. А долг перед овдовевшей матерью, на руках которой осталась большая семья с подраставшими детьми, побудил Хелен принять предложение богатого дяди. Она преподавала в школе, учила своих младших братьев и сестёр, помогала семье и чем могла ещё. И теперь, как ни трудно было вырывать корни дорогих сердцу связей, перед открывшейся возможностью устоять было нельзя. Заветная мечта сбылась. Принести семье благополучие; позаботиться об этой красивой, неукротимой сестрёнке; оставить унылые, убогие городки с их однообразной жизнью ради необозримого волнистого простора; жить на чудесном ранчо, которое когда-нибудь станет её собственным; дать наконец волю глубокой, врождённой, ещё не раскрывшейся любви к лошадям, коровам и овцам, к пустыням и горам, к деревьям, ручьям и полевым

цветам — вот чего она желала всей душой. И всё это теперь каким-то удивительным, сказочным образом должно было стать явью.

Счастливые предвкушения оборвались; словно ледяной водой окатило её тёплые, сокровенные мечты, когда она обнаружила, что в поезде едет Харв Риггс. Его присутствие могло означать только одно: он последовал за ней. В Сент-Джозефе Риггс был худшим из множества тяготивших её испытаний. Он имел какие-то права на благодарность её матери или какое-то влияние на неё, и она благосклонно относилась к его сватовству. Но Хелен не находила в нём ни привлекательности, ни доброты, ни трудолюбия — ничего, что могло бы её заинтересовать. Хвастливый, самодовольный искатель приключений, он лишь изображал настоящего человека Запада: носил длинные волосы, выставлял напоказ оружие и добивался скандальной известности. Хелен сомневалась в правдивости рассказов о многочисленных схватках, в которых он будто бы участвовал; сомневалась и в том, что у него хватило бы духу стать настоящим злодеем — таким, какими бывали дурные люди Запада. Но на станции Ла-Хунта она из вагона увидела его: он явно следил за нею, стараясь сам не попадаться на глаза. Одного этого взгляда хватило, чтобы понять: теперь у неё могут начаться неприятности.

Узнав его, она сразу посерьёзнела. Стало быть, не вся дорога к новому дому на Западе будет устлана розами. Риггс пойдёт за ней следом, если ему не удастся ехать рядом, и ра-

ди своей цели не остановится ни перед чем. Хелен внезапно осознала, что рассчитывать ей теперь можно лишь на себя, и на миг её охватили оцепенение, уныние, одиночество и беспомощность. Но эти чувства недолго устояли перед её вспыхнувшей гордостью и горячим нравом. Судьба стучалась в её дверь, и Хелен не собиралась упускать свой случай. Она не была бы племянницей Эла Окенклосса, если бы струсилa. А когда раздражение сменилось настоящим гневом, она уже готова была презрительно рассмеяться над Харвом Риггсом и всеми его замыслами, каковы бы они ни были. Страх перед ним она отбросила раз и навсегда. Покидая Сент-Джозеф, она обратилась к Западу с трепещущим сердцем и твёрдой решимостью оказаться достойной его. Там, в далёком краю, нужно создавать домашние очаги, писал дядя Эл, а для этого нужны женщины. Она намеревалась стать одной из них и воспитать такую женщину из сестры. Решив, что будет точно знать, что сказать Риггсу, когда тот рано или поздно подойдёт к ней, Хелен перестала о нём думать.

Пока поезд шёл, давая ей возможность любоваться непрерывно менявшимися видами и отдохнуть от утомительной необходимости удерживать Бо в узде на станциях, Хелен вновь погрузилась в мечты, глядя на сосновые леса, красные каменистые овраги и смутные величественные горы. Она видела, как солнце садится за далёкие хребты Нью-Мексико, — великолепное золотое зарево, столь же новое для неё, как рождённые им странные, волнующие, мимолётные грё-

зы. Бо восторгалась отнюдь не молча, а едва солнце скрылось и краски поблекли, с таким же пылом стала упрашивать Хелен достать огромную корзину с едой, привезённую из дома.

В конце вагона у них было два сиденья друг против друга; на одном громоздился багаж, а сверху стояла корзина. Здесь заключалось всё имущество сестёр. Впрочем, вещей у них было теперь гораздо больше, чем когда-либо: заботясь о дочерях и желая, чтобы богатый дядя увидел их хорошо одетыми, мать не пожалела ни денег, ни хлопот на красивую и добротную одежду.

Девушки уселись рядом, поставили тяжёлую корзину на колени и стали есть, глядя на прохладные тёмные гребни. Поезд медленно грохотал вперёд по дороге, словно состоявшей из одних поворотов. Во всём переполненном вагоне ужинали. Если бы Хелен не была так поглощена огромным диким горным краем, она, пожалуй, больше заинтересовалась бы попутчиками. Она и теперь замечала их; мужчины, женщины и немногочисленные дети вызывали у неё то улыбку, то размышления. Всё это были простые люди, небогатые, полные надежд, ехавшие на новый Запад искать себе дом. В этом было что-то прекрасное и величественное, и всё же на миг её охватила необъяснимая грусть. Из окна мир лесов и скал, разделённых длинными голыми пространствами, казался таким одиноким, таким диким, таким непригодным для жизни. Какие бесконечные расстояния! Часами, миля за милей — ни дома, ни хижины, ни индейского вигвама. По-

ражали и ширина, и протяжённость этого прекрасного края. И Хелен, любившая ручьи и бегущие потоки, нигде не видела воды.

Потом над медленно проплывавшим пейзажем опустилась тьма; в окно потянуло прохладным ночным ветром, в синеве замигали белые звёзды. Сёстры, держась за руки и склонив головы друг к другу, уснули под тяжёлым плащом.

Рано утром, когда девушки опять принялись рыться в своей, казалось, бездонной корзине, поезд остановился в Лас-Вегасе.

— Смотри! Смотри! — взволнованно закричала Бо. — Ковбои! Ой, Нелл, смотри!

Хелен со смехом взглянула сперва на сестру и подумала, что приятнее всего смотреть именно на неё. Бо была маленькая, вся пронизанная бьющей через край жизнью, с каштановыми волосами и тёмно-синими глазами. Эти глаза сверкали озорством и притягивали, словно магниты.

Снаружи, на грубо сколоченной платформе, стояли железнодорожники, мексиканцы и кучка праздных ковбоев. Рослые, худощавые, кривоногие парни с молодыми открытыми лицами и пристальными глазами. Один казался особенно привлекательным: великолепно сложенный, с красно-бронзовым лицом, ярко-красным шейным платком, покачивавшимся у бедра револьвером и огромными длинными изогнутыми шпорами. По-видимому, он поймал восхищённый взгляд Бо: бросил товарищам несколько слов и не спеша на-

правился к окну сестёр. Походка у него была странная, почти неловкая, будто он не привык ходить пешком. Длинные шпоры мелодично позвякивали. Он снял сомбреро и остановился — непринуждённый, открытый, невозмутимый, с улыбкой на лице. Хелен он понравился с первого взгляда. Она посмотрела, какое впечатление он произвёл на Бо, и увидела, что юная леди уставилась на него, оцепенев от испуга.

— С добрым утром, — протянул ковбой, медленно расплываясь в добродушной улыбке. — И куда же это вы направляетесь?

Его голос, простая и чуть забавная приветливость показались Хелен чем-то новым и очаровательным.

— В Магдалену, а потом дилижансом в Белые горы, — ответила она.

В спокойных пристальных глазах ковбоя мелькнуло удивление.

— В край апачей, мисс. Жаль, право. Вам-то там совсем не место... Простите за вопрос: вы не мормонки?

— Нет. Мы племянницы Эла Окенклосса.

— Да что вы! Я бывал в стороне Магдалены, слышал об Эле... В гости, стало быть?

— Мы будем там жить.

— Вот это хорошо. Девушки на Западе нужны... Да, слышал я об Эле. Старый аризонский скотовод в овечьем краю! Плохо дело... Вот думаю: если я туда заверну да попрошусь к нему в работники, верхом скот пасти, — возьмёт он меня?

Его неторопливая улыбка была заразительна, а смысл слов — прозрачен, как чистая вода. Взгляд, который он обращал на Бо, почему-то радовал Хелен. Последние год-два, становясь всё красивее, Бо неизменно притягивала восхищённые взгляды. Но этот взгляд ковбоя вызывал уважение и симпатию, хотя и забавлял. Уж конечно, Бо его заметила.

— В одном письме дядя говорил, что у него вечно не хватает работников на ранчо, — улыбнулась Хелен.

— Непременно поеду. Само собой меня теперь в ту сторону потянет.

Он был так немногословен, непринуждён и мил, что серьёзно воспринимать его будто бы не следовало; и всё же чуткая Хелен уловила в нём дерзкую решимость — нечто внезапное и вместе с тем неизбежное. Последнее его слово говорило так же ясно, как нежный взгляд, устремлённый на Бо.

В самой Хелен таилась озорная жилка, время от времени бравшая верх над сдержанностью; а Бо, впервые в своей свободной жизни лишившаяся дара речи, представляла слишком сильное искушение.

— Может быть, моя младшая сестра замолвит за вас словечко дяде Элу, — сказала Хелен.

Как раз в эту минуту поезд дёрнулся и медленно тронулся. Ковбой сделал два широких шага рядом с вагоном. Его разгорячённое мальчишеское лицо оказалось почти вровень с окном; глаза, теперь застенчивые и чуть тоскливые, но всё

ещё смелые, не отрывались от Бо.

— Прощай, милая! — крикнул он.

Он остановился и исчез из виду.

— Ну и ну! — воскликнула Хелен, чувствуя угрызения совести и не зная, жалеть ей о своей выходке или смеяться.

— Какой стремительный молодой человек!

Бо очаровательно покраснела.

— Нелл, какой он чудесный! — выпалила она, сияя глазами.

— Я бы, пожалуй, так не сказала. Но он... милый, — ответила Хелен, с большим облегчением убедившись, что Бо, по-видимому, не обиделась на неё.

Бо явно боролась с отчаянным желанием высунуться в окно и помахать рукой. Однако она лишь осторожно выглянула и, судя по всему, ничего не увидела, к своему разочарованию.

— Как ты думаешь, он... он приедет к дяде Элу? — спросила она.

— Дитя моё, он только шутил.

— Нелл, спорим, приедет! Ох, как было бы здорово! Я буду любить ковбоев. Они совсем не похожи на этого Харва Риггса, который за тобой таскался.

Хелен вздохнула — и от напоминания о ненавистном поклоннике, и оттого, что будущее уже таинственно звало эту девочку. Ей предстояло стать и матерью, и защитницей для девушки с таким пылким и своевольным характером.

Один из железнодорожников показал сёстрам зелёную гору, полого поднимавшуюся к мощному тупому обрыву голой скалы. Он назвал её Голодной вершиной и рассказал, как индейцы однажды загнали туда испанцев и уморили голодом. Бо чрезвычайно заинтересовалась; после этого она смотрела ещё внимательнее и всякий раз находила, о чём спросить проходившего железнодорожника. Ей нравились глинобитные дома мексиканцев, а когда поезд вошёл в индейские земли и возле путей стали попадаться пуэбло, индейцы в ярких одеждах и лохматые дикие мустанги, восторгу её не было конца.

— Но эти индейцы мирные! — однажды с сожалением воскликнула она.

— Боже мой, дитя! Уж не хочешь ли ты увидеть враждебных индейцев? — спросила Хелен.

— Ещё как хочу! — чистосердечно ответила Бо.

— А я готова спорить: ещё пожалею, что не оставила тебя с мамой.

— Нелл, никогда не пожалеешь!

Около полудня они прибыли в Альбукерке. Эта большая станция, где нужно было пересаживаться, с самого начала представлялась первой серьёзной трудностью путешествия. Здесь и впрямь царило оживление: всюду болтали мексиканцы, расхаживали краснолицые ковбои устрашающего вида, бездельничали индейцы. В этой суматохе Хелен едва ли удалось бы сохранить спокойствие: надо было и за Бо следить, и

весь багаж нести, и другой поезд разыскать. Но добрый кондуктор, уже заботившийся о них в дороге, помог им выйти и перейти в другой вагон. Хелен была ему очень благодарна.

— Альбукерке — место суровое, — доверительно сказал он. — Лучше сидите в вагоне и в окна не высовывайтесь... Счастливого пути!

В вагоне было всего несколько пассажиров — мексиканцы, сидевшие в переднем конце. Поезд этой ветки состоял из одного пассажирского и одного багажного вагона, прицепленных к товарным. Хелен с мрачной решимостью сказала себе, что теперь уж наверняка выяснит, обоснованны ли её подозрения насчёт Харва Риггса. Если сегодня он тоже едет в Магдалену, ему придётся сесть в этот вагон. Вскоре Бо, которая предостережений не слушалась, втянула голову обратно в окно. Глаза её округлились от изумления, рот приоткрылся.

— Нелл! Я видела Риггса! — прошептала она. — Он собирается в этот поезд.

— Бо, я ещё вчера его видела, — серьёзно ответила Хелен.

— Он за тобой увязался! Этот... этот...

— Бо, не волнуйся, — остановила её Хелен. — Мы уже уехали из дома. Теперь надо принимать всё, как есть. Ничего, пусть Риггс едет за мной. Я с ним разберусь.

— Вот как! Значит, ты не станешь с ним разговаривать, водиться?

— Если смогу, не стану.

В вагон вошли новые пассажиры: пыльные, неотёсанные мужчины в обтрёпанной одежде, несколько бедно одетых женщин с суровыми, отмеченными тяжёлым трудом лицами и ещё несколько мексиканцев. С шумом и громкими разговорами они расселись по местам.

Затем Хелен увидела, как входит Харв Риггс, нагруженный багажом. Он был примерно среднего роста, темноволосый, броского вида, с длинными чёрными усами и отращёнными волосами. Одет он был приметно: чёрный сюртук, чёрные брюки, заправленные в высокие сапоги с нарядными голенищами, вышитый жилет, свободно повязанный галстук и чёрное сомбреро. Пояс с револьвером сразу бросался в глаза. Характерно, что его появление вызвало замечания других пассажиров.

Уложив вещи, он словно расправился, резко повернулся и подошёл к месту сестёр. Уселся на подлокотник противоположного сиденья, снял сомбреро и намеренно, не торопясь, оглядел Хелен. Светлые глаза поблёскивали, в них было жёсткое, беспокойное подрагивание; рот казался грубым и надменным. Прежде Хелен видела его только в привычной домашней обстановке; теперь перемена обдала её сердце холодом.

— Здравствуй, Нелл! — сказал он. — Не ожидала меня увидеть?

— Нет, — холодно ответила она.

— Готов поспорить, что не ожидала.

— Харв Риггс, за день до отъезда я сказала: что бы вы ни сделали, что бы ни сказали — мне всё равно.

— Не думаю, Нелл. У женщины, за которой я приглядываю, есть над чем подумать. Ты это знаешь.

— Значит, вы последовали за мной... сюда? — потребовала ответа Хелен, и голос её, вопреки всем стараниям, задрожал от гнева.

— Именно, — ответил он; причём думал он при этом не меньше о собственной особе, чем о ней.

— Зачем? Зачем? Это бесполезно! Бездёжно!

— Я поклялся: ты будешь моей или не достанешься никому, — ответил он, и в страстном тоне его слышалась скорее самовлюблённость, чем жажда женской любви. — Впрочем, рано или поздно я всё равно подался бы на Запад.

— Вы ведь не собираетесь... до самого... Пайна? — запинаясь, спросила Хелен, на мгновение теряя твёрдость.

— Нелл, отныне я с твоего следа не сойду, — заявил он.

Тут Бо выпрямилась, побледнев, с горящими глазами.

— Харв Риггс, оставьте Нелл в покое! — выпалила она звонким, смелым юным голосом. — Знаете что? Спорим, если вы и дальше будете за ней таскаться и приставать, дядя Эл или какой-нибудь ковбой вас из этих мест выгонит!

— Привет, Перчинка! — невозмутимо ответил Риггс. — Смотрю, манеры у тебя не улучшились, а от ковбоев всё так же без ума.

— С такими... с такими людьми и не полагается быть веж-

ливой...

— Бо, молчи! — одёрнула Хелен.

В эту минуту ей трудно было бранить сестру: та нимало не боялась Риггса. Напротив, выглядела так, будто готова дать ему пощёчину. И Хелен поняла: сколько бы она ни представляла себе трудности отъезда из дома в дикий край, как бы ни решала быть храброй, первые же шаги самостоятельной жизни лишили её душевной твёрдости. Она ещё преодолееет эту слабость. Но сейчас маленькая сестра с горящими глазами сама казалась защитницей. Бо легко освоится на Западе, подумала Хелен: она так молода, так непосредственна, так близка к первозданной стихии.

Бо отвернулась от Риггса к окну. Тот рассмеялся. Потом встал и склонился над Хелен.

— Нелл, куда ты — туда и я, — ровно сказал он. — Подружески это примешь или нет, дело твоё. Но если у тебя есть голова на плечах, не станешь настраивать тут людей против меня. А то я могу кому-нибудь навредить... Не лучше ли нам оставаться друзьями? Ведь заботиться о тебе я буду, хочешь ты того или нет.

Прежде Хелен считала этого человека докукой, потом — угрозой; теперь ей предстояло открыто вступить с ним во вражду. Как ни отвратительна была мысль, что он считает себя участником её новой жизни, с этим приходилось считаться. Он существовал и был волен распоряжаться собой. Изменить этого она не могла. Ей было ненавистно, что при-

ходится столько о нём думать; и вдруг, с жаркой, неудержимой вспышкой гнева, она возненавидела его самого.

— Вы не будете обо мне заботиться. Я сама о себе позабочусь, — сказала она и отвернулась.

Она услышала, как он что-то пробормотал сквозь зубы и медленно пошёл по проходу прочь. Бо вложила свою руку в её ладонь.

— Не обращай внимания, Нелл, — прошептала она. — Помнишь, что старый шериф Хейнс говорил о Харве Риггсе? «Шулер, который строит из себя стрелка! Попади он в настоящий город на Западе, его мигом выгонят». Вот бы мой краснолицый ковбой сел в этот поезд!

Хелен вдруг обрадовалась, что уступила отчаянным мольбам Бо и взяла её на Запад. Тот самый нрав, который делал сестру неисправимой дома, вероятно, поможет ей счастливо ужитья с жизнью в этом вольном краю. Но, при всей нежности и благодарности, Хелен не могла не рассмеяться.

— Твой краснолицый ковбой! Да ты же, Бо, от страха оцепенела! А теперь уже твоим стал!

— Вот этого парня я вполне могла бы полюбить, — мечтательно ответила Бо.

— Дитя моё, ты давно это о разных парнях говоришь. И ни на одного ещё второй раз не посмотрела.

— Этот другой... Нелл, спорим, он приедет в Пайн.

— Надеюсь. Вот бы он сейчас был в поезде. Он мне понравился, Бо.

— Ну, милая Нелл, он и сперва и напоследок смотрел на меня, так что ты особенно не надейся... Ой, поезд тронулся!.. Прощай, Альбу-кер... Что за ужасное название?... Нелл, давай обедать. Я умираю с голоду.

Хелен позабыла о неприятностях и неясном будущем. Слушая болтовню Бо, снова угощаясь, казалось, неиссякаемыми припасами из огромной корзины и любуясь величественными горами, она опять развеселилась.

Перед ними открылась долина Рио-Гранде: вблизи широкая, огромный серо-зелёный просвет между голыми чёрными горами, вдали — узкая, с извивавшейся жёлтой рекой, сверкавшей под жарким солнцем. Бо радостно повизгивала при виде голых мексиканских ребятишек, которые прятались в глинобитные домишки, когда мимо грохотал поезд; восторгалась индейцами, мустангами и особенно группой ковбоев, въезжавших в город на горячих лошадях. Хелен видела всё, на что указывала сестра, но дольше всего её взгляд задерживался на чудесной волнистой долине и туманной лиловой дали, будто что-то скрывавшей от неё. Такого чувства она прежде не знала; никогда не видела и десятой доли подобного простора. Зрелище будило в ней что-то незнакомое. Солнце обжигало — она убедилась в этом, высунув руку в окно; сильный ветер гнал к поезду целые пелены сухой пыли. Она сразу поняла, какую огромную роль играют на Юго-Западе солнце, пыль и ветер. И это понимание заставило её полюбить их. Вот он — простор, дикий, прекрас-

ный, одинокий край; и кровь в ней отзывалась на его острый зов: искать, бороться, находить, жить. Одного взгляда вдоль жёлтой долины, без конца тянувшейся между тёмными железными стенами гор, хватило, чтобы понять дядю. Должно быть, она и духом похожа на него, как, по словам других, похожа во всём остальном.

Наконец Бо устала смотреть на пейзаж, в котором не было живых существ, положила свою светившуюся каштаном головку на выцветший плащ и уснула. Но Хелен не отрывала пристального взгляда от каменных пространств и равнин. Долгие часы смотрела она сквозь облака пыли и марево зноя; какое-то сильное, неуверенное, беспокойное чувство словно менялось в ней, пока не обрело твёрдости. Теперь Запад принимало само её существо: глаза и все чувства признавали его так же, как прежде уже признала душа.

Женщина должна любить свой дом, куда бы ни забросила её судьба, полагала Хелен, и не столько из долга, сколько ради радости, романтики и самой жизни. Разве может жизнь стать скучной или однообразной здесь, среди необъятного простора голой земли и открытого неба, где необходимость действовать оставляет праздные размышления на поверхности?

С сожалением проводила она взглядом долину Рио-Гранде, а затем и два тянувшихся вдоль неё горных хребта. Но дорога вознаграждала новыми долинами, новыми могучими вздыбленными массами чёрного камня; потом снова шли го-

лые безграничные жёлтые равнины, гребни с редкими можжевельниками, белые сухие русла, мертвенно светившиеся на солнце, ослепительные солончаковые ложбины и, наконец, пустынный простор, где цвели золотистые и синие цветы.

Она замечала и то, что белые и жёлтые оттенки почвы и скал начали сменяться красными. Хелен знала: это означает приближение к Аризоне. Аризона — дикая, одинокая, красная пустыня, зелёное плоскогорье; Аризона с грохочущими реками, неведомыми пространствами, пастбищами и лесами, дикими лошадьми, ковбоями, разбойниками, волками, пумами и воинственными индейцами! Как мальчишку, это имя волновало её, будоражило, пело ей о чём-то безымянном, сладостном, неуловимом, таинственном и полном приключений. Но она была двадцатилетней девушкой, принявшей на себя обязанности, и должна была скрывать сердечную глубину — то самое, о чём мать с сожалением говорила, что жаль — она не родилась мальчиком.

Время шло; Хелен смотрела, узнавала, мечтала. Через большие промежутки поезд останавливался на маленьких станциях, где, казалось, не было ничего, кроме глинобитных сараев, ленивых мексиканцев, пыли и зноя. Бо проснулась, снова заболтала и принялась рыться в корзине. У кондуктора она узнала, что до Магдалены осталось две станции, и тут же стала строить догадки: кто их встретит, что произойдёт. Так Хелен вернулась к трезвой действительности, в которой

тоже хватало волнующего. Что случится дальше, она совершенно не знала. Дважды Риггс прошёл по вагону туда и обратно, намеренно выставляя перед её глазами смуглое лицо, светлые глаза и язвительную улыбку. Но Хелен снова подавила нараставшую тревогу презрением. Этот человек и половины настоящего мужчины не стоил. Что он мог сделать до её приезда в Пайн, кроме как докучать? Дядя должен был встретить её сам или прислать за ней в Сноудроп; до него, как Хелен знала, от Магдалены предстоял долгий путь в дилижансе. Именно эта поездка представлялась ей самой важной и самой страшной частью всего путешествия.

— Ой, Нелл! — радостно воскликнула Бо. — Уже почти приехали! Кондуктор сказал: следующая станция.

— Интересно, дилижанс ночью ходит? — задумчиво сказала Хелен.

— Конечно ходит! — ответила неугомонная Бо.

Поезд грохотал, как прежде, но Хелен казалось, что он летит. Солнце садилось за суровые нью-мексиканские утёсы; впереди была Магдалена, ночь, приключение. Сердце Хелен забило часто. Она смотрела на жёлтые равнины, где пасся скот: стада, оросительные каналы и тополя говорили, что железнодорожная часть пути почти закончена. Потом Бо вскрикнула, и Хелен глянула через вагон в противоположное окно: там тянулся ряд низких плоских домов из красного самана. Поезд начал замедлять ход. Хелен увидела бегущих детей — белых вперемешку с мексиканскими; затем ещё до-

ма, а высоко на холме — огромную глинобитную церковь, грубую, ослепительно яркую и всё же по-своему прекрасную.

Хелен велела Бо надеть шляпку и стала надевать свою, стыдась дрожи в пальцах. В вагоне засуетились, заговорили.

Поезд остановился. Выглянув, Хелен увидела беспорядочную толпу мексиканцев и индейцев, неподвижных и невозмутимых, словно ни поезда, ни что-либо другое их не касалось. Затем заметила белого человека и почувствовала облегчение. Он стоял впереди остальных. Высокий, широкоплечий, чем-то сразу привлекавший внимание, он заставил её взглянуть ещё раз. Это был охотник в серой одежде из оленьей кожи с бахромой и с винтовкой в руке.

Глава V

Здесь уже не было доброго кондуктора, который помог бы сёстрам с багажом. Хелен велела Бо взять свою долю вещей; нагруженные, они неловко и с трудом выбрались из вагона.

На площадке сильная рука подхватила тяжёлый саквояж, который Хелен едва удерживала, и громкий голос возвестил:

— Девушки, вот мы и приехали — на самый настоящий Дикий Запад!

Это был Риггс. Завладев частью её багажа, он и словами и движениями старался скорее произвести впечатление на любопытную толпу, чем оказать настоящую услугу. В волнении приезда Хелен забыла о нём. И то, как внезапно он напомнил о себе, — вся неискренность этого жеста — заставило её вспыхнуть. Спеша спуститься со ступенек, она едва не упала под тяжестью вещей. Высокий охотник в сером шагнул к ней как раз в ту минуту, когда она потянулась к саквояжу в руке Риггса.

— Мистер Риггс, я сама понесу свой саквояж, — сказала она.

— Давай я потащу. А ты помоги Бо с её вещами, — фамильярно ответил он.

— Но я хочу взять его сама, — тихо возразила Хелен с резкой решимостью.

Чтобы вырвать саквояж у Риггса, понадобилось немало

силы.

— Послушай, Хелен, ты ведь не собираешься и дальше шутки шутить? — спросил он примирительным тоном, всё так же достаточно громко.

— Для меня это не шутка, — ответила она. — Я сказала, что ваше внимание мне не нужно.

— Верно. Да только ты сердилась. Я тебе друг, из твоего родного города. И уж не позволю ссоре помешать мне позаботиться о тебе, пока не доставлю тебя к дяде в целости и сохранности.

Хелен повернулась к нему спиной. Высокий охотник как раз помог Бо сойти на платформу. Хелен подняла глаза и увидела гладко выбритое бронзовое лицо и пронизательные серые глаза.

— Вы Хелен Рейнер? — спросил он.

— Да.

— Меня зовут Дейл. Я приехал вас встретить.

— Ах! Вас прислал мой дядя? — поспешно спросила Хелен, чувствуя облегчение.

— Нет, не могу сказать, что Эл меня прислал, — начал он. — Но, думаю...

Риггс перебил его: схватил Хелен за руку и оттащил на шаг назад.

— Послушайте, мистер, Окенклосс посылал вас встречать моих юных подруг? — надменно потребовал он ответа.

Дейл перевёл взгляд с Хелен на Риггса. Она не могла про-

честь, что скрывается в этом спокойном сером взгляде, но он взволновал её.

— Нет. Я сам приехал, — ответил Дейл.

— Тогда имейте в виду: они под моим попечением, — добавил Риггс.

На этот раз светло-серые глаза спокойно встретились с глазами Хелен. Если улыбки в них или где-то за ними не было, она совсем переставала их понимать.

— Хелен, вы, кажется, сказали, что внимание этого человека вам не нужно.

— Именно это я и сказала, — быстро ответила она.

Бо подошла вплотную и слегка сжала её руку. Вероятно, она подумала то же, что и Хелен: вот настоящий человек Запада. Таково было её первое впечатление; следом пришло чувство, будто натянутые нервы отпустило.

Риггс развязно приблизился к Дейлу.

— Слушай, кожаная куртка, я из Техаса...

— Вы отнимаете время, а нам нужно спешить, — перебил Дейл почти дружелюбно. — И если бы вы хоть сколько-нибудь пожили в Техасе, то не приставали бы к женщине и уж точно не разговаривали бы так.

— Что?! — яростно вскрикнул Риггс.

Его правая рука многозначительно опустилась к бедру.

— Не хватайтесь за револьвер. Ещё выстрелит, — сказал Дейл.

Каким бы ни было намерение Риггса — а скорее всего,

Дейл угадал его верно, — теперь он багрово вспыхнул и рванул револьвер.

Рука Дейла мелькнула так быстро, что Хелен не успела уследить за движением. Но она услышала глухой удар. Револьвер полетел на платформу, заставив рассыпаться стоявших кучкой индейцев и мексиканцев.

— Когда-нибудь вы себя покалечите, — заметил Дейл.

Хелен никогда не слышала такого неторопливого, невозмутимого голоса. Без волнения, чувства или спешки, он всё же словно заключал в себе нечто значительное, не выраженное словами. Бо издала странный короткий возглас торжества.

Рука Риггса бессильно повисла — несомненно, онемела. Он смотрел во все глаза, и прежде всего на лице его было изумление. Толпа зашевелилась, послышались смешки и шёпот. Риггс злобно взглянул на Дейла, перевёл взгляд на Хелен, затем неровной походкой направился за револьвером.

Дейл больше не обращал на него внимания. Подхватив вещи Хелен, он сказал: «Пойдёмте» — и плечами проложил дорогу сквозь разинувшую рты толпу. Девушки пошли следом, почти наступая ему на пятки.

— Нелл! Что я тебе говорила? — прошептала Бо. — Ой, да ты вся дрожишь!

Хелен и сама чувствовала, как неверно держится на ногах: гнев, страх и облегчение, быстро сменив друг друга, почти лишили её сил. За пёстрой толпой зеваяк она увидела ста-

рый серый дилижанс, запряжённый четвёркой худых лошадей. На козлах сидел седеющий, загорелый человек с кнутом и вожжами в руках. Рядом — мужчина помоложе, положив винтовку поперёк колен. Ещё один, молодой, высокий, худощавый, смуглый, стоял у открытой дверцы. Он тронул сомбреро, приветствуя девушек, но, обращаясь к Дейлу, смотрел настороженно.

— Милт, тебя не задержали?

— Нет. Только какой-то длинноволосый олух девушек задерживал. Хотел на меня револьвер выхватить. Я уж перепугался, — ответил Дейл, опуская вещи.

Бо засмеялась. Она смотрела на Дейла с теплом, сияющими глазами. Молодой человек у дверцы ещё раз взглянул на неё; улыбка смягчила суровую смуглоту его лица.

Дейл помог девушкам подняться по высокой ступеньке, положил лёгкие вещи внутрь, а тяжёлые забросил на крышу.

— Джо, полезай наверх, — сказал он.

— Ну, Милт, — протянул возница, — двинемся потихоньку.

Дейл замешкался, держась за дверцу. Посмотрел на толпу, снова подступавшую поближе, потом на Хелен.

— Думаю, я должен вам сказать, — проговорил он, явно колеблясь.

— Что? — воскликнула Хелен.

— Дурные новости. Но разговор отнимет время. А терять его нельзя.

— Нам нужно торопиться? — спросила она, резко выпрямившись.

— Думаю, да.

— Это дилижанс до Сноудропа?

— Нет. Тот уходит утром. Мы раздобыли эту старую колымагу, чтобы выехать сегодня ночью.

— Чем раньше, тем лучше. Но я... я не понимаю, — растерянно сказала Хелен.

— Ехать утренним дилижансом вам небезопасно, — ответил Дейл.

— Небезопасно! О чём вы говорите?

Она испуганно посмотрела на него, потом на Бо.

— Объяснять долго. А узнав всё, вы, может, и передумаете. Но если не можете мне довериться...

— Довериться вам! — безотчётно повторила Хелен. — Вы намерены отвезти нас в Сноудроп?

— Думаю, лучше ехать в обход, в Сноудроп не заезжать, — коротко ответил он.

— Тогда в Пайн? К моему дяде, Элу Окенклоссу?

— Да. Я очень постараюсь.

Хелен перевела дыхание. Она поняла, что ей угрожает какая-то опасность. Пристально, со всей женской проницательностью, взгляделась в лицо Дейла. Наступила одна из тех минут судьбоносного выбора, которые, как она знала, приготовил ей Запад. Теперь и её будущее, и будущее Бо зависело от её решения. Минута была тяжёлой; но, хотя внутри всё

дрожило, она принимала этот первый, неизбежный шаг. По одежде из оленьей кожи Дейл должен был быть разведчиком или охотником. Его рост и сила, его поступки, голос — всё внушало уверенность. Но доверять ему или нет, Хелен должна была решить по лицу. А оно было чистого бронзового оттенка, без морщин и теней, спокойное, словно маска, с чёткими чертами, сильной челюстью и удивительно прозрачными серыми глазами.

— Да, я вам доверюсь, — сказала она. — Садитесь, поедem скорее. Потом объясните.

— Всё готово, Билл. Пускай лошадей, — крикнул Дейл.

Чтобы войти, ему пришлось пригнуться, а усевшись, он, казалось, заполнил всю свою сторону дилижанса. Возница щёлкнул кнутом, дилижанс качнулся и покатил, оставив пёструю толпу позади. Увидев, как Бо уставилась на охотника широко раскрытыми глазами, Хелен осознала действительность: под грохот колёс старого дилижанса начиналось приключение более странное, чем всё, о чём она когда-либо мечтала.

Дейл снял сомбреро и наклонился вперёд, удерживая винтовку между колен. Теперь свет лучше освещал его лицо. Такого лица Хелен ещё не видела: на первый взгляд тёмное от загара и жёсткое, оно потом становилось ясным, холодным, отрешённым, неподвижным, сосредоточенным. Ей хотелось увидеть на нём улыбку. И теперь, когда жребий был брошен, она не могла бы объяснить, почему доверилась ему. В нём

таилась особенная сила, но что это за сила, она не понимала. То лицо казалось суровым, то нежным, то ни тем ни другим.

— Хорошо, что с вами сестра, — сказал он немного погодя.

— Откуда вы знаете, что это моя сестра?

— По-моему, она на вас похожа.

— Никто больше так не считал, — ответила Хелен, пытаясь улыбнуться.

Бо улыбнулась без всякого труда.

— Хотела бы я быть хоть вполовину такой хорошенькой, как Нелл.

— Нелл? Разве вас зовут не Хелен? — спросил Дейл.

— Да. Но мои... кое-кто называет меня Нелл.

— Мне Нелл больше нравится, чем Хелен. А вас как? — продолжил Дейл, глядя на Бо.

— Меня — Бо. Просто Б-о. Глупо, правда? Только меня не спросили, когда называли.

— Бо. Хорошо и коротко. Никогда не слышал. Впрочем, я за эти годы мало людей встречал.

— Ой, мы уже из города выехали! — воскликнула Бо. — Смотри, Нелл! Как голо! Совсем пустыня.

— Это и есть пустыня. Сорок миль такой, прежде чем упадётся холм или дерево.

Хелен выглянула. От дороги, волна за волной, уходило ровное тускло-зелёное пространство к чёткой тёмной черте горизонта, над которой в ясном небе садилось солнце, уже

не отбрасывавшее лучей. Открытый, безлюдный, одинокий простор заставил её содрогнуться.

— Ваш дядя Эл писал когда-нибудь о человеке по имени Бизли? — спросил Дейл.

— Ещё как, — ответила Хелен, вздрогнув от неожиданности. — Бизли! Нам это имя хорошо известно и ненавистно. Дядя годами жаловался на него. Потом ожесточился, стал его обвинять. Но последний год или около того — ни слова!

— Ну вот, — серьёзно начал охотник, — давайте уж покончим с дурными новостями. Жаль, что приходится вас тревожить. Но надо учиться принимать Запад таким, каков он есть. Здесь и хорошее и дурное, может, дурного больше. Потому что край ещё молодой... Скажу прямо: этот Бизли нанял разбойников встретить дилижанс, которым вы собирались завтра ехать в Сноудроп, и увезти вас.

— Увезти меня? — растерянно переспросила Хелен.

— Похитить! А попасть в ту шайку — хуже, чем быть убитой, — мрачно объявил Дейл, сжав на колене огромный кулак.

Хелен была совершенно ошеломлена.

— Какой ужас! — выдохнула она. — Увезти меня!.. Но, боже мой, зачем?

Бо издала короткое яростное восклицание.

— По причинам, о которых вы, должно быть, догадываетесь, — ответил Дейл и опять наклонился вперёд.

Ни голос, ни лицо его ничуть не изменились, и всё же бы-

ло в нём что-то, приковывавшее Хелен.

— Я охотник. Живу в лесу. Несколько ночей назад попал в непогоду и укрылся в старой бревенчатой хижине. Едва вошёл, слышал лошадей. Спрятался на чердаке. Подъехали люди, вошли. Темно было, меня они не видели. Стали разговаривать. Оказалось — Снейк Энсон со своими овечьими ворами. Они ждали там Бизли. Скоро и он явился. Сказал Энсону, что старый Эл, ваш дядя, одной ногой в могиле, что вызвал вас, чтобы оставить вам своё добро. Бизли клялся, будто у него есть права на имущество Эла. И договорился с Энсоном убрать вас с дороги. Назвал день, когда вы приедете в Магдалену. Умри Эл в ваше отсутствие — Бизли сможет завладеть всем. А потом ему всё равно, явитесь вы требовать своё или нет. Поздно будет... Они в ту ночь уехали, а на другой день я поспешил в Пайн. Там все мне друзья, кроме старого Эла. Только чудным меня считают. Я не хотел многих посвящать. Бизли в Пайне силён; да и у Снейка Энсона, подозреваю, кроме него, есть там приятели. Пошёл к вашему дяде. Он меня никогда не жаловал: считал ленивым, как индеец. Старый Эл ленивых терпеть не может. Потом мы поссорились — вернее, он со мной поссорился: поверил, будто моя ручная пума овец его передушила. Теперь я думаю, что Том, может, и впрямь это сделал. Попытался я завести разговор о замысле Бизли насчёт вас, но старый Эл слушать не стал. Сердитый он, очень сердитый. А когда я стал рассказывать, совсем из себя вышел. С ранчо меня прогнал. Теперь,

думаю, понимаете, в каком я оказался положении. В конце концов пошёл к четырём друзьям, которым мог довериться. Они мормоны, братья. Джо вон там, на козлах, рядом с возницей. Всё рассказал им о Бизли и попросил помочь. Решили мы опередить Энсона с шайкой и первыми добраться до Магдалены. Только Бизли здесь так же силён, как в Пайне. Пришлось действовать осторожно. Зато у ребят нашлась тут пара друзей, тоже мормонов, они согласились помочь. У них был этот старый дилижанс... Ну и вот вы здесь.

Дейл развёл большими руками и серьёзно посмотрел сначала на Хелен, потом на Бо.

— Вы просто замечательный! — звонко воскликнула Бо. Она побледнела; пальцы были сжаты, глаза горели.

Дейл словно очнулся от своей серьёзности: сперва удивился, потом обрадовался. Улыбнувшись, он стал похож на мальчишку. Хелен чувствовала, как всё тело застыло и всё же мелко дрожит. Руки были холодны. Ужас открывшегося лишил её речи. Но сердцем она повторяла восхищённый, благодарный возглас Бо.

— Вот пока и всё, — продолжил Дейл, с облегчением глубоко вздохнув. — Неудивительно, что вы расстроились. У меня уж такая манера — всё напрямик... Нам ещё тридцать миль ехать по дороге на Сноудроп, прежде чем можно будет свернуть. Сегодня остальные ребята — Рой, Джон и Хэл — должны были выехать из Шоудауна, городка за Сноудропом. С ними мои лошади и выюки, кроме их собственных. Где-

нибудь на дороге встретимся — может, ночью, может, завтра. Надеюсь, не ночью: это означало бы, что шайка Энсона уже едет в Магдалену.

Хелен беспомощно заломила руки.

— Неужели во мне совсем нет мужества? — прошептала она.

— Нелл, мне так же страшно, как тебе, — утешая, сказала Бо и обняла сестру.

— Думаю, это естественно, — отозвался Дейл, словно оправдывая их. — Но страшно или нет, обе держитесь. Дело скверное. Только я всё сделал, что мог. Со мной и братьями Бименами вам будет безопаснее, чем в Магдалене или где бы то ни было ещё, кроме дома вашего дяди.

— Мистер... мистер Дейл, — запинаясь, проговорила Хелен сквозь слёзы, — не считайте меня трусихой или... неблагодарной. Я ни то ни другое. Просто я так... так потрясена. После всех надежд и ожиданий это... это такая страшная неожиданность.

— Ничего, милая Нелл. Будь что будет, — пробормотала Бо.

— Вот это правильно, — сказал Дейл. — Видите, я сразу рассказал самое худшее. Может, ещё легко проскочим. Встретим ребят — переседем на лошадей и пойдём тропами. Верховом ездить умеете?

— Бо с детства привыкла к лошадям. Я тоже езжу довольно хорошо, — ответила Хелен.

Мысль о верховой езде приободрила её.

— Хорошо! Прежде чем доберёмся до Пайна, может, придётся немало в седле помучиться. Эй! Что там?

Сквозь скрип, дребезжание и грохот дилижанса Хелен слышала частый стук копыт. Мимо промчался всадник, скакавший во весь опор.

Дейл открыл дверцу и выглянул. Дилижанс остановился. Он спрыгнул на землю, всматриваясь вперёд.

— Джо, кто это был?

— Не знаю. И Билл не узнал, — ответил Джо. — Я его ещё далеко сзади заметил. Гнал вовсю. Нас обгонял — придержал, а теперь опять скачет.

Дейл покачал головой: происшествие ему не нравилось.

— Милт, на этой дороге он мимо Роя не проскочит, — сказал Джо.

— Может проскочить прежде, чем Рой на дорогу выйдет.

— Вряд ли.

Хелен не смогла сдержать тревоги.

— Мистер Дейл, вы думаете, это посыльный? Скачет вперёд предупредить ту... шайку Энсона?

— Может быть, — просто ответил он.

Молодой человек по имени Джо перегнулся с козел.

— Мисс Хелен, не беспокойтесь. Скорее всего, этот малый свинца отведаёт, вот и всё.

Слова, сказанные с добрым намерением успокоить её, прозвучали для Хелен почти так же зловеще, как угроза её

собственной жизни. Она давно знала, как дёшево ценится на Западе человеческая жизнь, но знала отвлечённо и никогда не позволяла себе надолго задерживаться на этой мысли. А теперь весёлый молодой человек спокойно говорил о том, что ради неё прольют кровь. Мысль была трагична — кровопролития она не выносила; но следом пришло волнение, такое новое, странное, дерзкое, пронизывающее, что она отшатнулась и от него. Хелен ощутила в себе неизведанные глубины, побуждения, которым удивлялась и которых стыдилась.

— Джо, спусти корзину с едой — маленькую, с флягой, — сказал Дейл, протягивая длинную руку.

Вскоре он поставил внутрь дилижанса корзину, накрытую тканью.

— Девушки, ешьте сколько хочется и ещё немного сверх того.

— У нас своя корзина ещё наполовину полная, — ответила Хелен.

— До Пайна всё пригодится... А я теперь наверх, к ребятам, ужинать. Скоро стемнеет. Будем часто останавливаться, прислушиваться. Только не пугайтесь.

Он взял винтовку, закрыл дверцу и забрался на козлы. Дилижанс снова качнулся и покатил дальше.

Не последним из чудес этого богатого событиями вечера было то, с какой готовностью Бо потянулась к корзине с едой. Хелен лишь смотрела на неё.

— Бо, как ты можешь есть! — воскликнула она.

— Ещё как могу, — ответила практичная юная особа. —

И ты будешь, даже если мне придётся самой тебе в рот записывать. Где твой ум, Нелл? Он сказал: надо есть. Значит, силы наши ещё как испытают... Ух, до чего же здорово — прямо как в книге! Неожиданность... Да он похож на принца, переодетого охотником! Долгая ночная дорога в дилижансе... нападение... схватка... побег... бешеная скачка... леса, стоянки, дикие места... погоня... убежище в лесу... опять трудная дорога... а потом благополучно на ранчо. И, конечно, он без памяти влюбляется в меня... нет, в тебя: я останусь верна моему возлюбленному из Лас-Вегаса...

— Тише, глупышка! Бо, скажи, тебе разве не страшно?

— Страшно? Я от страха цепенею. Но если девушки Запада такое выносят, то и мы сможем. Ни одна здешняя девушка меня не переплюнет!

Хелен вспомнила, какую отважную роль отводила себе в мечтах. Ей стало стыдно за себя, и вместе с тем она ощутила безмерную гордость за маленькую сестру.

— Бо, слава богу, что я взяла тебя с собой! — горячо воскликнула она. — Буду есть, даже если подавлюсь.

И обнаружила, что действительно голодна. За едой она выглядывала то в одно окно, то в другое. Стёкол не было, внутрь свободно проникал прохладный ночной воздух. Солнце давно село. На западе, где бесконечно тянулась чёткая чёрная черта горизонта, небо было чистого золотого цве-

та, выше переходившего в жёлтый и синий. Появились звёзды, пока бледные, слабые, но всё ярче разгоравшиеся. Земля казалась голой, зыбкой, как спокойное море. Ветер нёс знакомый Хелен запах — терпко-сладкий, чистый — и был так холоден, что пальцы немели.

— Какой-то зверь твякнул, — вдруг сказала Бо, вскидывая голову и прислушиваясь.

Но Хелен слышала только ровный перестук копыт, звон цепей, скрип и грохот старого дилижанса да изредка негромкие голоса мужчин наверху.

Когда девушки утолили голод и жажду, вокруг уже стояла чёрная ночь. Они укрылись плащами, тесно прижались друг к другу в углу сиденья и стали переговариваться шёпотом. Хелен почти нечего было сказать, зато Бо не умолкала.

— Ничего не понимаю! — произнесла она после паузы. — Где мы, Нелл? Те мужчины наверху — мормоны. Может, они нас и похищают!

— Мистер Дейл не мормон, — ответила Хелен.

— Откуда ты знаешь?

— По тому, как он говорил о друзьях.

— Ну, лучше бы не было так темно. При свете дня я мужчин не боюсь... Нелл, ты когда-нибудь видела такого замечательного мужчину? Как они его называли? Милт... Милт Дейл. Он сказал, что живёт в лесу. Если бы я не влюбилась в того ковбоя, который назвал меня... ну, я бы сейчас пропала.

Помолчав, Бо вдруг прошептала:

— Интересно, Харв Риггс за нами теперь едет?

— Конечно едет, — безнадёжно ответила Хелен.

— Пусть поостережётся. Нелл, он ведь даже не понял... даже не... Как это дядя Эл говорил? Не смекнул! Вот именно. Риггс не смекнул, что за человек этот охотник. А я уж точно смекнула.

— Смекнул? Что ты хочешь сказать, Бо?

— Этот длинноволосый олух не заметил, какая опасность ему грозила. А я почувствовала. У меня прямо всё замерло внутри. Дейл вообще не принимал его всерьёз.

— Риггс объявится у дяди Эла, так же верно, как то, что я на свет родилась, — сказала Хелен.

— Пусть объявляется, — презрительно ответила Бо. — Нелл, больше и голову себе им не забивай. Здесь, спорим, все настоящие мужчины. Я бы ни за что не хотела оказаться на месте Харва Риггса.

Потом Бо заговорила о дяде и его смертельной болезни, от этого перешла к близким, оставшимся дома — теперь словно на другом конце света, — наконец не выдержала и заплакала, а затем уснула у Хелен на плече.

Но сама Хелен не смогла бы уснуть, даже если бы захотела.

Сколько она себя помнила, ей всегда хотелось подвижной, деятельной жизни; за неимением лучшего она мечтала о цыганских кочевьях. И теперь с мрачной усмешкой подумала: если первые часы на Западе предвещают будущее, её желаниям суждено исполниться с избытком.

Вскоре дилижанс покатил всё медленнее и наконец остановился. Лошади тяжело дышали, позвякивала упряжь, мужчины переговаривались шёпотом. Больше ни звука — напряжённая тишина. Хелен выглянула, ожидая непроглядной тьмы. Было черно, но чернота эта оставалась прозрачной. К её удивлению, виднелось довольно далеко. Падающая звезда заставила её вздрогнуть. Мужчины прислушивались. Прислушалась и она, но за негромкими звуками у дилижанса ничего не различила. Наконец возница причмокнул лошадям, и путь продолжился.

Некоторое время дилижанс быстро катил, очевидно под гору, раскачиваясь из стороны в сторону и гремя так, словно вот-вот развалится. На ровном месте ход замедлился; снова короткая остановка, затем, тронувшись, он стал тяжело взбираться вверх. Хелен казалось, что позади осталось уже много миль. Пустыня будто вздымалась всё более неровными волнами, смутно выступали тёмные округлые кусты. Дорога становилась ухабистой и каменистой; когда начался новый спуск, отчаянная тряска разбудила Бо и едва не выбросила её из объятий Хелен.

— Где я? — ошеломлённо спросила она.

— Бо, твоя заветная мечта сбывается. А где ты — сказать не могу, — ответила Хелен.

Бо окончательно проснулась, что при такой тряске было неудивительно.

— Держись за меня, Нелл!.. Они что, понесли?

— По-моему, мы так уже тысячу миль проехали, — ответила Хелен. — Во мне ни одной целой косточки.

Бо выглянула.

— Ой, как темно и пусто! Но было бы славно, если б не такой холод. Я замерзаю.

— А я думала, ты любишь холодный воздух, — поддразнила Хелен.

— Знаешь, Нелл, ты опять на себя становишься похожа, — отозвалась Бо.

Удерживаться в дилижансе, держать друг друга и плащ одновременно было нелегко, но им удавалось, кроме самых скверных участков, где их то и дело подбрасывало. Бо больно стукнулась головой.

— О-о-о! — застонала она. — Нелл Рейнер, никогда тебе не прощу, что ты затащила меня в это ужасное путешествие.

— Думай о своём красавце-ковбое из Лас-Вегаса, — ответила Хелен.

Либо замечание заставило Бо притихнуть, либо одной этой мысли хватило, чтобы примирить её с тяготами дороги.

А возница, пока они разговаривали, молчали или пытались уснуть, продолжал своё дело с умением человека Запада, знающего, как добиться наибольшего от лошадей на плохой дороге и долгом пути.

Через некоторое время дилижанс снова остановился и стоял так долго, а мужчины наверху так тихо переговаривались, что Хелен и Бо встревожились.

Вдруг из темноты впереди донёсся резкий свист.

— Это Рой, — негромко сказал Джо Бимен.

— Похоже. Плохо, что так скоро встретились, — ответил Дейл. — Поезжай, Билл.

— Тебе, может, и скоро, — пробормотал возница. — Но если мы тридцать миль не проехали и если вон тот гребень не то место, где вы сворачиваете, значит, я ничего не понимаю.

Дилижанс прокатил ещё немного. Хелен и Бо крепко обнимали друг друга, затаив дыхание и гадая, что же случится дальше.

Снова остановка. Хелен слышала, как сапоги ударили о землю, как фыркают лошади.

— Нелл, я лошадей вижу, — взволнованно прошептала Бо. — Вон там, у дороги... И человек идёт... Ой, а вдруг это не тот, кого они ждут!

Хелен выглянула: высокая тёмная фигура бесшумно приближалась, за ней смутно виднелись лошади и бледнели какие-то пятна — должно быть, выюки.

В темноте вырос Дейл и встретил незнакомца на дороге.

— Здорово, Милт. Девушку, значит, забрал, иначе тебя бы тут не было, — произнёс негромкий голос.

— Рой, у меня две девушки. Сёстры, — ответил Дейл.

Рой тихонько присвистнул. Из темноты вышел ещё один рослый худощавый человек; Дейл встретил и его.

— Ну, ребята, что с шайкой Энсона? — спросил он.

— В Сноудропе. Пьют и ссорятся. Наверно, на рассвете

выедут, — ответил Рой.

— Давно вы здесь?

— Часа два, может.

— Верхом никто не проезжал?

— Нет.

— Рой, до темноты нас обогнал незнакомый всадник. Гнал вовсю. Значит, здесь проехал до вас.

— Не нравится мне это, — коротко ответил Рой. — Надо торопиться. С девушками верхом чем больше отрыв, тем лучше. Верно, Джон?

— Снейк Энсон по конским следам идти умеет, — отозвался третий.

— Милт, только скажи, — продолжил Рой, посмотрев на звёзды. — Скоро светать начнёт. Вот развилка, вот твои лошади, всё наше снаряжение. К восходу будешь уже в соснах.

В наступившей тишине Хелен слышала удары собственного сердца и частое дыхание сестры. Обе выглядывали наружу, крепко сжимая руки друг друга, напряжённо всматриваясь и вслушиваясь.

— Возможно, тот ночной всадник вовсе не посыльный к Энсону, — сказал Дейл. — Тогда Энсон на наши колеи и конские следы внимания не обратит. Поедет дальше встречать обычный дилижанс. Билл, успеешь вернуться и встретить его раньше Энсона?

— Полагаю, да. И особо гнать не придётся, — ответил Билл.

— Хорошо, — немедленно продолжил Дейл. — Джон, вы с Джо и Хэлом возвращайтесь навстречу обычному дилижансу. Встретите — садитесь в него, чтобы быть внутри, когда Энсон остановит.

— Это мне вполне по душе, — протянул Джон.

— Я бы тоже там побывал, — мрачно сказал Рой.

— Нет. Ты мне нужен, пока я не укурюсь в лесу. Билл, спускай вещи. А ты, Рой, помоги их навьючить. Припасы, какие я просил, достали?

— Само собой. Если молодые леди не слишком привередливы, прокормишь их месяца два.

Дейл повернулся, широким шагом подошёл к дилижансу и открыл дверцу.

— Девушки, не спите? Выходите.

Бо спустилась первой.

— Спала, пока этот... этот экипаж там, позади, с дороги не свалился, — ответила она.

Негромкий смех Роя Бимена был достаточно выразителен. Он снял сомбреро и молча стоял. Старый возница подавил громкий хохот.

— Экипаж! Ну, будь я проклят! Джо, слышал? Не все девчонки с характером на Западе родятся.

Хелен вышла следом с плащом и саквояжем. Рой помог ей, и она встретила пристальный взгляд. Он держался мягко и почтительно; чувствовалась его забота. Когда она спускалась, о неё стукнулся тяжёлый револьвер, низко висевший у

него на поясе.

Дейл достал из дилижанса корзины и саквояжи, поставил на землю.

— Разворачивайся, Билл, и поезжай. Джон с Хэлом скоро догонят, — распорядился он.

— Ну, девушки, — сказал Билл, глядя на них сверху, — я уж очень рад был с вами познакомиться. И стыдно мне за наш край: этаких красавиц обидами встречать да подлыми штуками. Но теперь уж вы доберётесь благополучно. Лучше компании не найти — хоть для верховой езды, хоть для охоты, хоть замуж выйти, хоть к вере приобщиться...

— Замолчи, старый медведь! — резко перебил Дейл.

— Ха-ха! Прощайте, девушки! Счастливого пути! — закончил Билл, встряхивая вожжи.

Бо простилась отчётливо, а Хелен смогла лишь что-то пробормотать. Старый возница уже казался другом.

Лошади затопали, разворачиваясь; дилижанс накренился, заскрипел и вскоре укатил, скрывшись во мраке.

— Вы дрожите, — вдруг сказал Дейл, глядя на Хелен.

Его большая твёрдая ладонь сжала её руку.

— Холодная как лёд!

— Мне х-холодно, — ответила она. — Кажется, мы недостаточно тепло одеты.

— Нелл, днём мы жарились, а теперь замерзаем, — объявила Бо. — Не знала я, что здесь по ночам зима.

— Мисс, у вас есть тёплые перчатки и пальто? — озабо-

ченно спросил Рой. — Ещё ведь и холодать по-настоящему не начало.

— Нелл, у нас толстые перчатки, костюмы для верховой езды и сапоги — всё хорошее, новое — в этом чёрном саквояже! — с воодушевлением сказала Бо, толкнув ногой лежавшую у её ног сумку.

— Да, есть. Только много ли нам от них толку сегодня ночью, — ответила Хелен.

— Мисс, вам бы прямо здесь переодеться, — серьёзно посоветовал Рой. — В итоге и время сэкономите, и до восхода мучиться не придётся.

Хелен уставилась на него, поражённая такой простотой. Ей предлагали сменить дорожное платье на костюм для верховой езды — где-то в холодной ветреной пустыне, среди ночи, в обществе незнакомых молодых мужчин!

— Бо, в какой сумке? — спросил Дейл так, словно она была его сестрой.

Когда Бо указала, он поднял саквояж.

— Отойдём от дороги.

Бо пошла за ним, Хелен машинально последовала за обоими. Дейл отвёл их на несколько шагов за низкие кусты.

— Переодевайтесь здесь, поскорее, — сказал он. — Мы ваше добро навьючим, оставим место для этой сумки.

Он зашагал прочь и через несколько шагов исчез из виду.

Бо села и начала расшнуровывать ботинки. В звёздном свете Хелен едва различала её бледное хорошенькое лицо и

большие блестящие глаза. И подумала: Бо гораздо лучше сумеет устроить свою жизнь на Западе, чем она сама.

— Нелл, эти парни х-хорошие, — задумчиво сказала Бо.
— Ты не м-мёрзнешь? Слушай, он велел спешить!

Хелен не понимала, как вообще решилась начать раздеваться посреди открытой ветреной пустыни. Но, принявшись за дело, обнаружила, что тут нужно больше стойкости, чем храбрости. Холодный ветер пронизывал насквозь. Она почти готова была рассмеяться, глядя, с какой быстротой Бо разбрасывает вещи.

— Ух-х-х! — стучала зубами Бо. — Н-никогда в ж-жизни так не м-мёрзла. Нелл Рейнер, д-да простит т-тебя г-господь!

Хелен была слишком занята собственными трудностями, чтобы тратить дыхание на разговор. Сильная, здоровая девушка, быстрая и ловкая, она всё же почти выбилась из сил: такого тяжёлого физического испытания ей ещё не приходилось переносить. Бо закончила на несколько минут раньше, помогла ей застегнуться и целиком зашнуровала один сапог. Потом Хелен саднящими от холода руками уложила дорожные платья в саквояж.

— Вот! Но как всё измялось! — воскликнула она. — Ох, Бо, наши красивые дорожные платья!

— З-завтра выгладим... на б-бревне, — ответила Бо и хихикнула.

Они направились к дороге. Странно было то, что Бо не взяла свою долю ноши и, казалось, неуверенно держалась на

ногах.

Мужчины ждали возле группы лошадей; одна была под выюком.

— Быстро управились, — сказал Дейл, забирая у Хелен саквояж. — Рой, посади их, пока я эту сумку приторочу.

Рой вывел двух лошадей.

— Садитесь, — сказал он Бо. — Здесь стремена короткие.

Бо умела ловко садиться в седло, но сейчас делала это так медленно и неловко, что Хелен не верила глазам.

— Как стремена? — спросил Рой. — Привстаньте. Пожалуйста, в самый раз... Теперь осторожно! Конь пугливый. Придерживайте.

Бо никак не оправдывала репутации, которую создала ей Хелен.

— Теперь вы, мисс, — сказал Рой Хелен.

И в следующее мгновение она очутилась верхом на горячем вороном коне. Хотя и онемев от холода, она почувствовала, как по жилам пробежало волнение.

Рой быстрыми руками поправлял стремена.

— Вы выше, чем я думал, — сказал он. — Не слезайте, только ногу поднимите... Как хорошо, что сапоги у вас толстые и мягкие. Может, ещё все Белые горы объездим.

— Бо, ты слышишь? — окликнула Хелен.

Но Бо не ответила. Она сидела в седле в какой-то неестественной позе. Хелен встревожилась. В эту минуту вернулся Дейл.

— Всё подтянул, Рой?

— Только что закончил.

Дейл встал рядом с Хелен. Какой высокий! Его широкие плечи, казалось, приходились вровень с передней лукой седла. Он ласково положил руку на коня.

— Его зовут Рейнджер. Самый быстрый и самый лучший конь в этих краях.

— Это уж точно, — подтвердил Рой. — Вместе с моим гнедым.

— Рой, будь ты верхом на Рейнджере, он бы твоего любимца обогнал, — сказал Дейл. — Можно ехать. Рой, ты гони выючных.

Он ещё раз осмотрел седло Хелен, затем подошёл проверить седло Бо.

— Вы в порядке? — быстро спросил он.

Бо покачнулась.

— Я п-почти замёрзла, — едва слышно ответила она.

В звёздном свете её лицо было белым. Хелен поняла: Бо не просто холодно.

— Ох, Бо! — с тревогой воскликнула она.

— Нелл, не беспокойся.

— Давайте я вас понесу, — предложил Дейл.

— Нет. Я у-усижу на этой лошади или у-умру, — яростно ответила Бо.

Оба мужчины посмотрели на её белое лицо, затем друг на друга. Рой пошёл к тёмной группе лошадей у дороги, а Дейл

вскочил на единственную оставшуюся.

— Держитесь возле меня, — сказал он.

За ним двинулась Бо; Хелен замыкала цепочку.

Хелен казалось, что сон подходит к концу. Сейчас она вздрогнет и проснётся, увидит бледные стены своей маленькой комнаты дома, услышит, как вишнёвые ветки задевают окно, а старый петух звонким голосом возвещает рассвет.

Глава VI

Лошади шли рысью. Движение скоро согрело Хелен; если не считать пальцев, она чувствовала себя почти хорошо. Зато на душе становилось всё тяжелее по мере того, как она полнее осознавала своё положение. Теперь было так темно, что, хотя голова её коня почти касалась бока лошади Бо, саму сестру она едва различала. Время от времени Хелен тревожно окликала её и слышала в ответ, что всё в порядке.

Больше года Хелен не садилась на лошадь, а регулярно не ездила уже несколько лет. Несмотря на радостное волнение, охватившее её в седле, она опасалась, как справится. Но была приятно удивлена: у Рейнджера оказался мягкий ход, и выяснилось, что ездить она не разучилась. Бо, привыкшая к верховой езде на ферме возле дома, должна была справляться превосходно. Хелен подумала, в каком положении они оказались бы без тёплых удобных костюмов для верховой езды.

При всей темноте дорогу под собой Хелен смутно различала. Она была каменистой и, по-видимому, малоезженной. Когда Дейл свернул с неё в низкие кусты — кажется, полыни, покрывавшей ровную равнину, — путь стал труднее, трясло сильнее, но ход не замедлился. Лошади держали шаг передних. Обнаружив, что Рейнджера направлять не требуется, Хелен перестала это делать. Впереди во мраке возник-

кали смутные очертания, всякий раз тревожившие её, пока вблизи не оказывались камнями или низкими корявыми деревьями. Чем дальше шли лошади, тем крупнее и многочисленнее становились деревья. Хелен часто оглядывалась во тьму за спиной. Она делала это невольно, испытывая страх. Дейл ожидал погони. Но вместе со страхом в ней вспыхивало незнакомое негодование. Её хотели лишить не только наследства, но и самой свободы. Затем она содрогнулась, вспомнив смысл слов Дейла о похищении нанятой шайкой. Это казалось чудовищным, невозможным. И всё же для Дейла и его союзников опасность была совершенно реальной. Таким, значит, был настоящий Запад: первобытным, суровым, неумолимым.

Вдруг её конь остановился, поравнявшись с лошадью Бо. Дейл впереди тоже стоял и, по-видимому, прислушивался. Рой и выючные лошади исчезли во мраке.

— Что там? — прошептала Хелен.

— Кажется, волка слышал, — ответил Дейл.

— Это волк кричал? — спросила Бо. — Я слышала. Дикий такой крик.

— Мы уже к предгорьям подбираемся, — сказал Дейл. — Чувствуете, насколько холоднее воздух?

— А я теперь согрелась, — ответила Бо. — Наверное, со мной просто от холода такое было... Нелл, ты как?

— Я тоже согрелась, только...

— Если бы можно было выбрать: остаться здесь или ока-

заться дома, в тёплой постели, — что бы ты выбрала? — спросила Бо.

— Бо! — потрясённо воскликнула Хелен.

— А я бы выбрала вот здесь, на этой лошади, — заявила Бо.

Дейл услышал: на миг обернулся, хлопнул своего коня и двинулся дальше.

Теперь Хелен ехала рядом с Бо. Долго они молча поднимались всё выше. Хелен почувствовала, когда миновал самый тёмный предрассветный час, и с радостью заметила едва уловимое просветление на востоке. Потом побледнели звёзды. Постепенно серость поглотила все, кроме самых крупных. Огромная белая утренняя звезда, какой Хелен ещё никогда не видела, утрачивала блеск и жизнь и словно отступала в тускневшую синеву.

Свет прибывал понемногу, и серая пустыня постепенно обретала очертания. Впереди выступали голые холмы, наполовину скрытые серой, поднимавшейся пеленой ночи; позади лежало серое пространство, медленно приобретающее форму и плотность. На востоке разгоралось бледно-розовое и серебряное сияние, растягиваясь и светлея над горизонтом, который на глазах становился неровным, гористым.

— Пожалуй, надо Роя догнать, — сказал Дейл и прищиприл лошадь.

Рейнджеру и лошади Бо другого понукания не понадобилось: они перешли на лёгкий галоп. Далеко впереди показав-

лись выючные животные и подгонявший их Рой. Холодный ветер так резко бил Хелен в лицо, что слёзы застилали глаза и леденили щёки. А Рейнджер на этом ходу нёс так плавно, словно она сидела в кресле-качалке. Эта бодрящая, волнующая скачка показалась ей слишком короткой.

— Ой, Нелл, мне всё равно... что со мной... будет! — задыхаясь, воскликнула Бо.

Лицо её, белое с румянцем, было свежо, как роза; глаза отливали густой синевой, яркие непослушные пряди развевались на ветру. Хелен и сама чувствовала часть того телесного подъёма, который так захватил Бо и казался неодолимым, но мрачные мысли от этого не исчезали.

Уже совсем рассвело, когда Рой свернул за бугор, от которого по склонам предгорий тянулись редкие заросли низкорослых деревьев — Дейл называл их можжевельниками.

— Они растут на северных склонах, где дольше всего держится снег, — объяснил он.

Они спустились в долину, казавшуюся мелкой, но оказавшуюся глубокой и широкой, затем стали взбираться на следующий холм. На вершине Хелен увидела восходящее солнце, и открывшийся вид был так великолепен, что она не могла ответить на бурные восклицания Бо.

Голые жёлтые склоны с редкими можжевельниками тянулись к густой неровной черте леса. Подъём был таким пологим, что они казались ровными. Чёрный лес поднимался всё выше, покрывая хребет за хребтом, и наконец редел у голой

вершины великолепной горы, порозовевшей от восхода на фоне синего неба.

— Ой, как красиво! — вскричала Бо. — Только их надо было назвать Чёрными горами.

— Вон Старая Лысая полгода стоит белая, — ответил Дейл.

— А назад посмотрите. Что тогда скажете? — предложил Рой.

Девушки обернулись и молча замерли. Хелен казалось, что перед ней весь огромный мир. Какой иной стала пустыня! Она словно разверзлась внизу: вблизи красно-золотая, вдали подёрнутая мягким пурпурным румянцем, бесплодная пустота, безграничная и необъятная. Тёмно-зелёные пятна, чёрные линии и вздыбленные гребни лишь подчёркивали расстояние и простор.

— Видите маленькое зелёное пятнышко? — Рой показал рукой. — Это Сноудроп. А другое, далеко справа, — Шоудатун.

— А где Пайн? — живо спросила Хелен.

— Ещё дальше, за предгорьями, у края леса.

— Значит, мы от него уезжаем.

— Да. Пойди мы прямо к Пайну, шайка могла бы догнать. До Пайна четыре дня верхом. А в горах Милт сумеет след скрыть. Собьёт Энсона с толку, потом обойдёт и спустится в Пайн.

— Мистер Дейл, как вы думаете, доставите нас туда бла-

гополучно? И скоро? — с надеждой спросила Хелен.

— Скоро не обещаю. Благополучно — обещаю. И не люблю я, когда меня мистером зовут, — ответил он.

— Мы когда-нибудь есть будем? — смиренно осведомилась Бо.

Рой Бимен со смехом повернулся к ней. Хелен впервые ясно разглядела его при свете: худое, жёсткое, тёмно-бронзовое лицо, ястребиные глаза, квадратный подбородок и сухие челюсти с редкой светлой бородкой.

— Непременно будем, — ответил он. — Как до леса доберёмся. Уже недолго.

— Пожалуй, поднажмём, а потом хорошо отдохнём, — сказал Дейл и пустил коня неторопливой рысью.

Целый долгий час ехали ровной рысью. Взгляд Хелен скользил повсюду, замечая и близкое и далёкое: редкую полынь, вскоре уступившую место столь же редкой траве; тёмные пятна, оказывавшиеся карликовыми можжевельниками; овраги, словно по волшебству раскрывавшиеся там, где земля казалась ровной, и извилисто уходившие вдаль, всё шире раздвигая серые каменные стены. Дальше — одинокие сосны по две, по три, затем редкая рощица жёлтых осин; а над неровной опушкой, с каждой минутой приближавшейся, — чёрные широкие уступы, поднимавшиеся к величавому куполу главной вершины хребта.

За всю долгую дорогу к лесу они не встретили ни птицы, ни зверя, что удивило Хелен. Солнце поднималось выше,

воздух терял часть своей пронизывающей стужи и наполнялся более сладким дыханием леса. Первый слабый намёк на этот запах был для Хелен совершенно новым, но вместе с тем вызывал смутное ощущение знакомого и столь же странное волнение. Словно когда-то давно она уже вдыхала этот острый, терпкий аромат, и чувства узнали его раньше памяти.

Жёлтая равнина только казалась плоской. Рой спустился в неглубокий овраг, по которому извивался крошечный ручей, повернул вдоль него налево и наконец добрался до небольшой рощицы можжевельников и карликовых сосен. Здесь он ждал остальных, сидя в седле со скрещёнными ногами.

— Тут немного постоим, — сказал он. — Устали, наверное?

— Я голодна, но ещё не устала, — ответила Бо.

Хелен спешила и обнаружила, что, по-видимому, разучилась ходить. Бо засмеялась над ней, но и сама, оказавшись на земле, двигалась неловко.

Потом спешил Рой. Хелен с удивлением заметила, что он хромот. Он поймал её быстрый взгляд.

— Меня раз лошадь сбросила да перекатилась через меня. Всего-то сломал ключицу, пять рёбер, руку да кривые ноги в двух местах!

Несмотря на эту примету увечья, стоявший перед нею высокий, гибкий человек в обтрёпанной домотканой одежде выглядел необыкновенно сильным и умелым.

— Вам, девушки, походить бы, — посоветовал Дейл. —

Если ещё не затекло всё, скоро затечёт. А ходьба поможет. Далеко не уходите. Завтрак будет готов — позову.

Немного погодя свист вернул девушек с прогулки. Их ждали костёр и еда. Рой сидел по-индейски, скрестив ноги, перед расстеленным брезентом, на котором стояла простая, но сытная снедь. Зоркая Хелен заметила чистоту и тщательность, которых едва ли ожидала от походной стряпни лесных жителей. К тому же всё было вкусно. Она ела с аппетитом; что же до аппетита Бо, то он вызывал у неё столько же смущения, сколько веселья. Молодые мужчины внимательно ухаживали за девушками, почти не разговаривая. Но от Хелен не укрылось, как часто серый взгляд Дейла обращался вниз, к открытому простору. Она скорее угадывала в нём тревогу, чем читала её по выражению глаз.

— Право же, — вырвалось у Бо, когда больше есть она уже не могла, — всё это невероятно. Мне снится... Нелл, вороной, на котором ты ехала, — самый красивый конь, какого я видела.

Рейнджер и остальные лошади паслись вдоль ручья; сёдла и выюки с них сняли. Мужчины ели неторопливо. Мало что указывало на поспешное бегство. И всё же Хелен не могла избавиться от беспокойства. Рой, возможно, умел скрывать мысли и держался беззаботно, чтобы не тревожить девушек; но Дейл, казалось, был неспособен хоть в чём-то притворяться.

— Отдыхайте или гуляйте, — посоветовал он сёстрам. —

До темноты нам ещё сорок миль пройти.

Хелен предпочла отдохнуть. Бо ходила вокруг, ласкала лошадей и заглядывала во व्यюки, любопытная, полная нетерпения.

Дейл и Рой вполголоса разговаривали, пока мыли посуду и складывали её в плотный парусиновый мешок.

— Ты и вправду думаешь, что Энсон сегодня утром выйдет на мой след? — спрашивал Дейл.

— Уверен, — ответил Рой.

— Почему так скоро?

— А ты бы как рассудил на месте Снейка Энсона?

— От того всадника из Магдалены зависит, — серьёзно сказал Дейл. — Хотя, наверное, я бы и колеи заметил, и конские следы там, где мы свернули. Ну, допустим, он их найдёт.

— Милт, послушай. Я говорил тебе: позавчера в Шоудуне Снейк с нами нос к носу столкнулся. И уж очень любопытничал.

— Но меня он не видел и обо мне не слышал, — ответил Дейл.

— Может, не слышал, а может, и слышал. Да какая разница, утром он всё узнает или вечером?

— Значит, на схватку ты не рассчитываешь, если Энсон дилижанс остановит?

— Тут бы ему первому пришлось стрелять, а это вряд ли. Джон с Хэлом после той перестрелки год назад оружия вроде сторониться стали. Джо может и вспылить. Но, думаю, луч-

шее, на что надеяться, — задержка. Да разумнее и на неё не рассчитывать.

— Тогда останься здесь, последи, не покажется ли шайка. Выжди столько, чтобы точно знать: если утром наши следы найдут, успеют появиться в виду. Убедишься так или иначе — поезжай напрямик к Большому роднику. Я там сегодня встану на ночь.

Рой одобрительно кивнул. Больше не разговаривая, оба взяли верёвки и пошли за лошадьми. Хелен следила за Дейлом, но тут Бо взволнованно вскрикнула. Обернувшись, Хелен увидела злого маленького буланого мустанга: он стоял на задних ногах, колотя передними по воздуху. Рой заарканил его и теперь тащил к стоянке.

— Нелл, посмотри, какой дикий пони! — воскликнула Бо. Хелен поспешила подальше убраться с дороги разъярённого мустанга. Рой подвёл его к ближайшему можжевельнику.

— Ну же, Буланный, — успокаивающе сказал он и медленно приблизился к дрожавшему животному, перебирая руками лассо.

Буланный показал белки глаз, а заодно и белые зубы. Однако стоял смирно, пока Рой ослаблял петлю, стягивал её с головы и завязывал сложным узлом вокруг морды.

— Это хакамора, — объяснил Рой, указывая на узел. — Уздечки он никогда не знал и, думаю, не узнает.

— Вы на нём не ездите? — спросила Хелен.

— Иногда езжу, — улыбнулся Рой. — Хотите попробовать, девушки?

— Покорно благодарю, — ответила Хелен.

— Ух! — воскликнула Бо. — С виду дьявол дьяволом. Но я бы попробовала, если вы думаете, что справлюсь.

Дикая закваска Запада быстро пустила корни в душе Бо Рейнер.

— Что ж, простите, но пока я вам не позволю, — сухоvalo ответил Рой. — Уж больно здорово он брыкается.

— Брыкается? То есть сбрасывает седока?

— Вроде того.

За следующие полчаса Хелен увидела и узнала об обращении с лошадьми вольных пастбищ больше, чем слышала за всю жизнь. Кроме Рейнджера, гнедого Роя и белого пони Бо, всех приходилось буквально ловить арканом и тащить к стойнке, чтобы оседлать и навьючить. Такая работа была для сильных, бесстрашных мужчин и требовала не только железных рук, но и терпения. Поэтому за доверием к этим людям у Хелен Рейнер пришло уважение. Наблюдательной женщине эти полчаса сказали немало.

Когда всё было готово, Дейл сел в седло и многозначительно произнёс:

— Рой, буду ждать тебя к закату. Надеюсь, не раньше.

— Плохо будет, если придётся скоро с дурными вестями скакать. Будем надеяться на лучшее. Пока нам здорово везло. А ты в лесу по хвойной подстилке держись, след прячь.

Дейл повернул коня. Девушки простились с Роем и последовали за ним. Скоро Рой и его буланый мустанг скрылись за группой деревьев.

Впереди шли ненавьюченные лошади, за ними трусили выючные, следом держались всадники. Все двигались неторопливой рысью; выюки подпрыгивали и раскачивались. Солнце приятно грело Хелен спину. Ветер терял морозную, почти влажную стужу и наполнялся сухим сладким ароматом. Дейл гнал лошадей вверх по неглубокой долине: на ровных возвышенностях по сторонам уже виднелись деревья, а в нескольких милях впереди чернела лесная стена. До опушки добрались быстро.

Хелен удивлялась, почему большие сосны росли на этой равнине до определённого места и ни шагом дальше. Вероятно, это как-то зависело от снега; но земля была ровной, и она не понимала, почему лес обрывался именно здесь.

Они въехали под деревья.

Хелен казалось, что она переступает странный, решающий порог другого мира, который ей суждено узнать и полюбить. Сосны были огромны, с бурой корой, изрезанной трещинами, с узлами сучьев; ни одна не повторяла другую, и только величие и красота были общими для всех. Они росли далеко друг от друга. Внизу почти не было ни молодых сосен, ни кустарника. Удивительным казался лесной пол: участки высокой серебристой травы чередовались с обширными бурыми коврами хвои. Именно их, очевидно, и имел в виду

Рой. То здесь, то там лежал павший исполин — расколотый или гниющий. Вскоре Хелен поразили тишина леса и то странное обстоятельство, что лошади двигались почти беззвучно: лишь изредка хрустнет сухая ветка или глухо стукнет копыто о бревно. Она почувствовала и упругость почвы. А потом увидела: хвойная подстилка под копытами продавливается, словно резиновая подушка, и тут же распрямляется, не оставляя следа. Позади Хелен не могла различить никаких признаков их пути. И вправду, чтобы идти за Дейлом через этот лес, требовался острый глаз. Это открытие необычайно утешило её; впервые с начала бегства груз на душе стал легче. Теперь она могла хоть отчасти испытать ту радость, какую принесла бы эта чудесная поездка при более счастливых обстоятельствах.

Бо же была, казалось, слишком молода, слишком необузданна, слишком пылка, чтобы считаться с обстоятельствами. Она откликалась на то, что происходило сейчас. Хелен начинала подозревать, что сестра обрадуется любому приключению, и теперь уже не сомневалась: Бо — истинная Окенклосс. Три долгих дня Хелен ощущала непривычную прежде скованность; в последние часы её заглушил страх. Но, должно быть, решила она, это такая же кровь, как у сестры, стучит в жилах, требуя свободы, чтобы нестись и пылать.

Бо любила действие. Она замечала красоту, но к созерцанию не была склонна. Теперь она помогала Дейлу гнать лошадей, не давая им слишком разбредаться. Ехала она хоро-

шо и пока не выказывала ни усталости, ни боли. Хелен уже чувствовала и то и другое, однако ещё не настолько, чтобы утратить интерес к окружающему.

Чудесный лес без птиц казался ей ненастоящим. Из всех живых существ Хелен больше всего любила птиц, знала многих и умела подражать песням некоторых. Но здесь, под величавыми соснами, птиц не было. Зато стали попадаться белки, а через час их сделалось множество. Из всех этих зверьков ей знаком был только бурундук. Остальные — от стройных блестящих чёрных до полосатых рыжеватых и серых с белыми хвостами — были совершенно новыми. Кажались они непугливыми и любопытными. Рыжие облаивали и бранили проезжавший отряд; чёрные скользили на безопасную ветку и оттуда наблюдали; серые почти не обращали внимания на вторжение в их владения.

Однажды Дейл остановил коня и указал длинной рукой. Проследив за его жестом, Хелен увидела на прогалине нескольких серых оленей: они стояли неподвижно, подняв длинные уши. Дикая и прекрасная картина. Вдруг олени умчались удивительно пружинистыми прыжками.

В целом лес оставался ровным и открытым, хотя ложбины и русла ручьёв нарушали его однообразие. Но к полудню начал постепенно меняться; Хелен подумала, что заметила бы это раньше, будь повнимательнее. Местность в целом пошла в гору, деревья стали гуще.

Она сделала ещё одно открытие. С самого въезда в лес

она ощущала тяжесть в голове и какое-то раздражение в носу. С огорчением решила, что простудилась. Но вскоре голова немного прояснилась, и она поняла: густой сосновый дух будто залепил ноздри сладкой смолой. Запах подавлял, его сила становилась неприятной. Казалось, жжёт и горло, и лёгкие.

Когда Хелен начала терять интерес к лесу и всему вокруг, причиной стали боли, которые уже не позволяли себя игнорировать. С той минуты забыть о них больше не удавалось, и они усиливались. Особенно одна, какой ей ещё не приходилось испытывать. Она таилась в мышцах бока, над бедром, и была коварной, потому что не держалась постоянно. Приходила и уходила. Вспыхнув страшным приступом, она становилась терпимой, если переменить положение или чуть ослабить тело. Но не предупреждала о себе. Когда Хелен ожидала её, она не появлялась; стоило снова осмелиться вздохнуть — и она пронзала бок, словно лезвие. Вот, значит, одна из тех мук, которые долгая верховая езда причиняет новичку. Выносить её было почти невозможно. Красота леса, мелькавшие и убегавшие зверьки, время, расстояние — всё меркло перед этой колющей болью. К бесконечному облегчению, Хелен обнаружила, что мучение вызывает рысь. Когда Рейнджер шёл шагом, боли не было. Поэтому она держала его на шагу, пока решалась отставать или пока Дейл с Бо не скрывались почти из виду; затем пускала лёгким галопом и догоняла.

Так проходили часы. Солнце склонилось, посылая под деревья золотые лучи, лесные краски становились ярче и гуще. Затем начали медленно темнеть. Близился закат.

Хелен слышала плеск под копытами, а вскоре увидела крошечные прозрачные ручьи, быстро бежавшие по ложам зелёного мха. Она пересекла несколько и поехала вдоль последнего к более открытому месту, где огромные сосны возносились высоко и стояли далеко друг от друга. Справа поднимался низкий серый каменный обрыв, примерно втрое ниже деревьев. Откуда-то доносился шум бегущей воды.

— Большой родник, — объявил Дейл. — Здесь встанем. Хорошо вы держались, девушки.

Ещё один взгляд — и Хелен поняла, что все эти ручейки вытекают из-под серого обрыва.

— Я умираю, так пить хочу! — воскликнула Бо с обычным своим преувеличением.

— Думаю, как впервые здесь напьётесь, не забудете, — заметил Дейл.

Бо попыталась спешиться и в конце концов свалилась с седла. Очутившись на земле, она словно обнаружила, что ноги отказываются ей служить, и упала плашмя. Дейл поднял её.

— Да что это со мной? — спросила она в крайнем изумлении.

— Затекло всё, должно быть, — ответил Дейл, помогая ей сделать несколько неловких шагов.

— Бо, у тебя что-нибудь болит? — спросила Хелен.

Она всё ещё сидела верхом, страшась спускаться, хотя стремилась к этому невыразимо сильно.

Бо красноречиво посмотрела на неё.

— Нелл, а у тебя в боку было? Будто злая длинная штопальная игла в самую глубину колет, когда не ждёшь?

— Этого я никогда не забуду! — тихо воскликнула Хелен.

Наученная опытом Бо, она осторожно спустилась и сумела удержаться на ногах. Ноги казались деревянными.

Вскоре девушки направились к роднику.

— Пейте понемногу! — окликнул их Дейл.

Большой родник рождался где-то глубоко под серым, изъеденным непогодой обрывом, из-под которого доносились глухое подземное бульканье и гул воды. Должно быть, это был могучий ключ, пробивавшийся вверх через холодный камень.

Хелен и Бо легли ничком на мшистый берег. Наклонившись, увидели свои отражения и отпили по глотку — по совету Дейла, а ещё потому, что разгорячённым, пересохшим, пылавшим от жажды хотелось на мгновение продлить это драгоценное удовольствие.

Вода была так холодна, что Хелен пронзила дрожь, заняли зубы, а по всему телу разлился необыкновенный оживляющий ток. Дивно было чувствовать, как прохлада поглощает сухой жар тела; жажда неодолимо тянулась к этой воде. Хелен подняла голову и посмотрела. У воды не было ни цвета,

ни вкуса.

— Нелл, пей! — задыхаясь, сказала Бо. — Вспомни наш... старый родник... в саду... с головастиками!

И Хелен, закрыв глаза, стала жадно пить, а меткое слово Бо всколыхнуло в ней воспоминание о доме.

Глава VII

Первым делом на стоянке Дейл снял с одной лошади выюк, раскрыл его, достал брезент и одеяла и постелил под сосной.

— Отдыхайте, девушки, — коротко сказал он.

— А помочь вам нельзя? — спросила Хелен, хотя сама едва стояла на ногах.

— Когда освоитесь, делайте сколько душе угодно.

— Освоимся! — со смешком воскликнула Бо. — Я-то уже совсем освоилась — ни рук, ни ног не чувствую.

— Бо, похоже, мистер Дейл рассчитывает, что мы довольно долго пробудем у него в лесу.

— Похоже, — согласилась Бо.

Она медленно опустилась на одеяла, с долгим вздохом вытянулась и положила голову на седло.

— Нелл, разве он не просил не называть его мистером?

Дейл снимал выюки с остальных лошадей.

Хелен легла рядом с Бо и впервые в жизни в полной мере узнала сладость отдыха.

— Ну и как же ты собираешься его звать, сестрица? — с любопытством спросила она.

— Милтом, разумеется.

Несмотря на усталость и боль во всём теле, Хелен рассмеялась.

— Значит, когда появится твой ковбой из Лас-Вегаса, ты

станешь называть его так же, как он называл тебя?

Бо покраснела, что случилось с ней довольно редко.

— Захочу — стану, — отрезала она. — Нелл, сколько себя помню, ты всё бредила Западом. Теперь ты на Западе, по уши в нём увязла. Так очнись!

Так, прямо и по-своему, Бо советовала сестре отбросить всё наносное. Слова глубоко запали Хелен в душу. Ответить было нечего. Уж конечно, мечтая о Западе, она стремилась не к такой дикой, неслыханной поездке. Но, быть может, жизнь здесь, день за днём, и была непрерывной чередой приключений, испытаний, трудностей, бед и побед. Создать место, где другим когда-нибудь будет хорошо жить! Возможно, именно это подразумевала Бо в своём решительном совете. Но сейчас Хелен слишком устала, чтобы разбираться в этом. Ей было интересно и почему-то приятно следить за Дейлом.

Он спутал лошадей и отпустил пастись. Затем с топором в руке подошёл к невысокому сухому дереву среди нескольких белоствольных осин. За рубкой Дейл выглядел особенно хорошо. Без куртки, с широкими плечами, прямой спиной и длинными могучими руками, он казался молодым великаном. Гибкий, подвижный, мускулистый, но не грузный. Топор звенел о твёрдую древесину, и звук отдавался по лесу. Несколько ударов хватило, чтобы повалить сухой ствол. Потом Дейл расколол его на дрова. Хелен было любопытно посмотреть, как он разведёт огонь. Сначала он нащепал лучины из сердцевины и уложил на землю вместе с кусками

покрупнее. Затем из седельной сумки, висевшей на ближней ветке, достал кремень, огниво и лоскут — как предположила Хелен, ткани или оленьей кожи, натёртый порохов. Во всяком случае, первый же удар высек искры, вспыхнул огонь, занялись щепки. Пламя сразу взметнулось на фут. Он крепкообразно положил дрова покрупнее, и костёр загудел.

Закончив, Дейл выпрямился, повернулся к северу и прислушался. Хелен вспомнила, что после приезда к Большому роднику уже дважды видела, как он делает то же самое. Он ждал и высматривал Роя. Солнце село; за открытой поляной сосновые вершины теряли яркость.

Походная посуда, которую охотник высыпал из мешка, загремела железом и жестью. Потом он развернул большой выюк, в котором оказалось множество мешочков всех размеров — очевидно, с припасами. Ведро выглядело так, словно лошадь перекатилась через него вместе со выюком. Дейл наполнил его у родника. Вернувшись к огню, налил воды в таз, опустил на колени и тщательно вымыл руки. Должно быть, это вошло у него в привычку: во время мытья он смотрел в лес и прислушивался. Затем обсушил руки над костром, повернулся к разложенным припасам и начал готовить еду.

Вдруг Хелен задумалась о самом этом человеке и о том, что стояло за его поступками. В Магдалене, во время поездки в дилижансе и минувшей ночью она доверилась незнакомцу, охотнику из Белых гор, готовому прийти ей на помощь. Она испытывала к нему величайшую благодарность.

И всё же до сих пор видела в нём прежде всего своего спасителя. Теперь же начинала понимать: случай свёл её с необыкновенным человеком. Это впечатление озадачивало её. Оно возникло не потому, что он оказался храбр и добр и помог девушке в беде, и не потому, что так ловко и быстро управлялся на стоянке. Большинство мужчин Запада отважны, говорил дядя, многие по-своему добры, хоть и грубоваты, а готовить умеют все. Сложением этот охотник был великолепным образцом мужской силы, и в осанке его чувствовалось что-то львиное. Но дело было и не в этом. Хелен преподавала в школе, привыкла к мальчишкам и улавливала в нём мальчишескую простоту, живость, свежесть. Однако ей казалось, что задуматься о нём её заставила какая-то сила его ума и духа.

— Нелл, я уже три раза к тебе обращалась! — капризно пожаловалась Бо. — О чём ты размышляла?

— Я очень устала, Бо, и мыслями далеко. Что ты говорила?

— Говорила, что у меня чудо-вищный аппетит.

— Неужели? Для тебя это неудивительно. А я слишком устала, чтобы есть. И боюсь глаза закрыть — больше не откроются. Когда мы в последний раз спали, Бо?

— За две ночи до отъезда из дома, — объявила Бо.

— Четыре ночи! Ну, всё-таки мы немножко спали.

— Спорим, в этом лесу я своё наверстаю. Как ты думаешь, будем спать прямо здесь, под этим деревом, без всякой

крыши?

— Похоже, — с сомнением ответила Хелен.

— Как чудесно! — восторженно воскликнула Бо. — Сквозь сосны звёзды увидим.

— Кажется, затягивает облаками. А если буря начнётся — ужасно будет, правда?

— Не знаю, — задумчиво ответила Бо. — На Западе ведь тоже бури бывают.

Хелен вновь почувствовала в сестре способность принимать неизбежное. В однообразной домашней жизни в Сент-Джозефе это казалось всего лишь практичностью. И вдруг её озарила удивлённая, волнующая мысль: они с Бо начали меняться, попав в новую, дикую среду. Как странно — и, возможно, страшно — будет наблюдать этот рост! Бо, младшая, более впечатлительная, с побуждениями скорее стихийными, чем рассудочными, быстрее окрепнет. Хелен задумалась, сможет ли и сама уступить своей тяге к первозданному. Но как уступить ей человеку с деятельным, вникающим во всё умом? Не думает лишь дикарь.

Она увидела, как Дейл опять выпрямился и посмотрел в лес.

— Похоже, Рой не приедет, — проговорил он сам себе. — И хорошо.

Затем повернулся к девушкам:

— Ужин готов.

Желания у сестёр было куда больше, чем сил двигаться.

Ели они, как изголодавшиеся дети, заблудившиеся в лесу. Дейл ухаживал за ними; его невозмутимое лицо освещалось тихой радостью.

— Завтра вечером у нас будет мясо, — сказал он.

— Какое? — спросила Бо.

— Дикая индейка или оленина. Может, и то и другое, если захотите. Только к дичи лучше понемногу привыкать. А индейка — та во рту тает.

— М-м-м! — с жадным предвкушением протянула Бо. — Я слышала о дикой индейке.

Когда девушки закончили, поел Дейл, слушая их разговор и изредка коротко отвечая на вопросы Бо. Мыть котелки и сковородки он начал в сумерках, а к тому времени, когда, казалось, покончил со всеми делами, почти стемнело. Он подбросил дров и сел на бревно, глядя в огонь. Девушки удобно полулежали, прислонившись к сёдлам.

— Нелл, сейчас свалюсь, — сказала Бо. — А нельзя бы, сразу после такого ужина.

— Не понимаю, как я усну, и знаю, что не уснуть не смогу, — отозвалась Хелен.

Дейл насторожённо поднял голову.

— Послушайте.

Девушки замерли, напряглись. Хелен ничего не слышала, разве что где-то во мраке глухо стукнуло копыто. Лес словно спал. По широко раскрытым глазам Бо, блестевшим при свете костра, Хелен поняла, что и та не уловила звука, на ко-

торый указывал Дейл.

— Койоты идут, целая стая, — объяснил он.

Вдруг тишина раскололась хором резких, возбуждённых, странных лающих криков. Звучали они дико, но в них слышалось и что-то дружелюбное или любопытное. Вскоре у самой границы света стали различимы серые фигуры. Лёгкий шорох крадущихся лап окружил стоянку, и со всех сторон раздались лай и визг. Беспокойная, вороватая стая, подумала Хелен. Она обрадовалась, когда хор смолк и койоты, ещё несколько раз злобно тьякнув вразнобой, ушли.

Снова воцарилась тишина. Если бы не постоянная тревога, Хелен нашла бы её сладостной и непривычно прекрасной.

— А вот этого послушайте, — заговорил Дейл.

В голосе его звучало волнение.

Девушки снова навестили уши. Напрасно: вскоре из тишины ясно и холодно выплыл протяжный горестный вой, странный, звучный и дикий.

— Ой! Кто это? — прошептала Бо.

— Большой серый волк. Лесной волк, его ещё иногда лوفرером зовут, — ответил Дейл. — Стоит там, наверху, на каком-нибудь каменном гребне. Нас чует, и ему это не нравится... Вот опять. Слушайте! Голодный.

Слушая этот необычайно дикий крик — такой дикий, что по телу пробегала дрожь и душу охватывало неопишное одиночество, — Хелен не сводила глаз с Дейла.

— Вы его любите? — невольно спросила она, сама не по-

нимая, что побудило её к вопросу.

Несомненно, никто прежде не спрашивал Дейла об этом. Пока он размышлял, Хелен показалось, что и сам себе он такого вопроса никогда не задавал.

— Пожалуй, — наконец ответил он.

— Но волки убивают оленей, маленьких оленят, всех беспомощных лесных зверей! — возразила Бо.

Охотник кивнул.

— Как же тогда можно его любить? — повторила Хелен.

— Если подумать, много за что, — ответил Дейл. — Он убивает чисто. Падали не ест. Не трус. Бьётся. И умирает не сдаваясь... А ещё любит одиночество.

— Убивает чисто? Что вы имеете в виду?

— Вот пума оленя терзает. И гризли, когда корову или жеребёнка убивает, всё разворотит. А волк чисто работает — короткими хватками.

— Вы сказали «пума» и «гризли»? Это кто?

— Пума — горный лев, ещё пантерой зовут. А гризли — медведь, серебристый.

— Ах, все они жестоки! — воскликнула Хелен, содрогнувшись.

— Пожалуй. Я и сам часто волков стрелял за то, что оленя сменами гонят.

— Это как?

— Двое волков или больше гонятся за оленем. Один отдыхает, другой гонит добычу кругом к нему; тот подхватывает

погоню. Так они оленя и загоняют. Жестоко, но такова природа. Не хуже снега и льда, от которых олени голодают, или лисицы, убивающей индюшат, едва те из яйца выбираются, или воронов, что выклёвывают глаза новорождённым ягнятам и ждут, пока те умрут. Да и люди, если на то пошло, жесточе хищников: к природной жестокости добавляют свою, а руководствуются не одними инстинктами.

Хелен умолкла, потрясённая. Она не только узнала новый, поразительный взгляд на жизнь природы, но и получила ясную подсказку, почему смутно чувствовала в этом человеке незаурядность. Охотник — тот, кто убивает зверей ради меха, мяса, рогов или из жажды крови: так понимала это слово Хелен и, как ей казалось, большинство жителей обжитых штатов. Но большинство могло ошибаться. Охотник мог быть совсем иным, куда большим, чем просто следопыт и истребитель дичи. Горный лесной мир оставался тайной почти для всех людей. Может быть, Дейл знал его секреты, его жизнь, ужас, красоту, печаль и радость; и тогда каким богатым, каким удивительным должен быть его внутренний мир! Он говорил, что люди не лучше волков. Могла ли одинокая жизнь в глуши научить этому? Озлобление, зависть, ревность, злопамятство, алчность и ненависть не находили места в сердце охотника. Это подсказала Хелен не проницательность, а женская интуиция.

Дейл поднялся и снова повернул голову к северу, прислушиваясь.

— Вы всё ещё ждёте Роя? — спросила Хелен.

— Нет, вряд ли он сегодня появится, — ответил Дейл.

Он подошёл к сосне, висевшей над лежавшими девушками, и положил руку на ствол. Этот жест, то, как он посмотрел на вершину, а потом на соседние деревья, снова заключали в себе особый смысл, так занимавший Хелен.

— Лет пятьсот, должно быть, простоял. И эту ночь простоят, — пробормотал он.

Сосна была царицей всей этой широко раскинувшейся группы деревьев.

— Ещё послушайте, — сказал Дейл.

Бо уже спала. Хелен прислушалась и сразу уловила далёкий негромкий гул.

— Ветер. Буря будет, — объяснил Дейл. — Услышите такое, что послушать стоит. Только не пугайтесь. Думаю, мы в безопасности. Сосны часто валит. Но эта любой осенний ветер выдержит... Лучше забирайтесь под одеяла, я брезент натяну.

Хелен сползла пониже прямо в одежде — только сапоги они с Бо уже сняли — и положила голову рядом с головой сестры. Дейл подтянул брезент и отогнул край чуть ниже их голов.

— Дождь пойдёт — проснётесь. Тогда просто натяните брезент на себя, — сказал он.

— Будет дождь? — спросила Хелен.

Но думала она о том, что ничего страннее этой минуты

в её жизни ещё не было. При свете костра она видела лицо Дейла — обычное, неподвижное, смуглое, безмятежное, не выдававшее ни одной мысли. Он был добр, но не думал об этих сёстрах как о девушках, оставшихся с ним одни в непроглядном лесу, беспомощных и беззащитных. Казалось, он вообще ни о чём не думал. А Хелен ещё никогда в жизни не воспринимала происходящее с такой остротой.

— Я буду рядом, всю ночь огонь поддержу, — сказал он.

Она услышала, как он зашагал в темноту. Немного погодя раздалось волочение, глухие толчки, затем грохот — на костёр упало бревно. Вверх взметнулось облако искр, многие упали на сырую землю и зашипели. Дым снова пополз вдоль огромного растрескавшегося ствола; огонь заплевался и затрещал.

Хелен опять прислушалась к гулу ветра. Он словно приближался вместе с дуновением, коснувшимся её щеки и шевельнувшимся кудри Бо, и стал сильнее. Потом стих — и вскоре вернулся ещё сильнее. Тогда Хелен поняла, что слышит надвигающуюся бурю. Тяжёлые веки почти не желали подниматься; она знала: стоит закрыть глаза — тотчас уснёт. Но ей хотелось услышать бурю в соснах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.